

Глава IV

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ОТЕЧЕСТВУ?

По-разному встретили в России и в мире известие о подписании в Брест-Литовске договора о перемирии, о временном прекращении на Восточном фронте военных действий. Народ в тылу и солдаты в окопах возлагали большие надежды на полное прекращение войны в недалеком будущем. Так, в первую декаду декабря прошел ряд областных армейских и фронтовых съездов¹, на которых делегаты уже могли высказать свое отношение к заключенному перемирию. В Минске, например, фронтовой съезд солдатских депутатов одобрил его и выразил в своем решении поддержку Советскому правительству в проведении им политики мира².

С явной враждебностью встретили известие о перемирии в кругах контрреволюции и противников большевиков, где ясно понимали, что даже кратковременная передышка помогает Советской власти укреплять свои позиции, а значит, расширять влияние среди широких масс народа.

Что касается держав Антанты, то в их правящих кругах никаких изменений не произошло. 2 декабря «Известия ЦИК» сообщают о речи морского министра Англии У. Черчилля. «Благодаря временному стечению обстоятельств и нарушенному равновесию сил,— заявлял английский министр,— прусский милитаризм получил некоторую передышку. Наша задача, следовательно, не выполнена. Мы намерены выиграть эту войну, как бы ни был долог и тяжел путь к победе». О том, что этот путь будет не только долгий, но и кровавый, в Англии, конечно, по-

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 187.

² См.: Никольников Г. Л. Победа ленинской стратегии и тактики по вопросам войны, мира и революции. Киев, 1966. С. 92.

нимали. Но кто виноват в этом? Ну, разумеется, Россия, которая отказывается проливать кровь своего народа во имя «общих интересов». Черчилль так прямо об этом и говорит простому англичанину: «Именно положение России затянуло войну и лишило английскую, французскую и итальянскую армии столь близкой уже награды за все понесенные лишения и жертвы».

После заключения перемирия советская делегация на несколько дней прибыла в Петроград для проработки ряда вопросов; 2—6 декабря Ленин неоднократно встречался с членами делегации¹. Перед ее отъездом в Брест-Литовск он занимался многими вопросами, имевшими прямое отношение к мирным переговорам. Ленин подписал удостоверение М. Н. Покровскому о назначении его членом делегации, говорил с ним, сообщил ему инструкции Совнаркома для нашей делегации². Консультантом делегации был назначен и М. П. Вельтман (Павлович), удостоверение которого также было подписано Лениным³. Подписал Ленин и удостоверение П. И. Бессонову, командированному в Брест-Литовск в качестве офицера связи при советской мирной делегации⁴. 3 декабря Ленин председательствует на заседании Совнаркома, где обсуждается и вопрос об ассигнованиях для издания органа на немецком языке, а на следующий день, 4 декабря, Советское правительство, рассмотрев доклад своей делегации на переговорах в Брест-Литовске, предложило ей «в спешном порядке представить... точный текст немецких условий мира»⁵. Особо следует остановиться на «Манифесте к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской раде», над проектом которого в эти дни работал Ленин и который обсуждался на Совнаркоме, был им утвержден, а затем и подписан Владимиром Ильичем⁶. Вопрос о взаимоотношениях Советской власти и Украинской рады имел большое значение для хода переговоров в Брест-Литовске.

---

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 105.

² См. там же. С. 108.

³ См. там же. С. 108, 680.

⁴ См. там же. С. 114.

⁵ Там же. С. 106; *Выгодский С. Ю.* В. И. Ленин — руководитель внешней политики Советского государства (1917—1923 гг.). Л., 1960. С. 85.

⁶ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 106—107.

Рада уже на следующий день после свержения Временного правительства приняла резолюцию «против восстания в Петрограде» и заявила, что будет «энергично бороться со всякими попытками поддержать бунты на Украине»¹. Эта враждебная по отношению к Советской власти, к большевикам позиция предопределила и последующие действия Рады, которая начала предпринимать меры к разоружению и выводу революционно настроенных частей из Украины. 7 (20) ноября был принят третий Универсал, согласно которому объявлялось о создании Украинской народной республики². 10 (23) ноября Малая рада (исполнительный орган Центральной рады) объявила, что Совнарком в Петрограде не является правительством, которое признается большинством населения, а потому надлежит вступить в переговоры с теми, кто действует на Дону, Кубани, о создании правительства из всех «социалистических партий»³. Словом, Рада шла по тому же пути, что в эти же дни демонстрировали меньшевики и эсеры в Петрограде, окружение уже смещенного Духонина в Ставке, в Могилеве.

Во главе этого курса Рады стояли ее председатель и идеолог М. С. Грушевский, его заместитель В. К. Винниченко, ведавший военными делами С. В. Петлюра и другие⁴. 11 (24) ноября Петлюра в телеграмме командующим русскими армиями потребовал объявить украинским частям, что обращения «Народных Комиссаров Петрограда» к армии «исполнению не подлежат», а на следующий день, 12 (25) ноября, представители Рады вступили в Ставке с уже отстраненным от командования Духониным в сговор, выразившийся прежде всего в непропуске на Дон революционных частей, посылаемых Советской властью для борьбы против контрреволюции⁵.

Тревожные вести с Украины беспокоили Советское правительство, которое на своих заседаниях 19 ноября и 2 декабря заслушивало на этот счет сообщения И. В. Сталина и Ю. Л. Пятакова⁶. Огромное внимание этому вопросу было уделено на заседании СНК 3 декаб-

---

¹ Декреты Октябрьской революции. С. 235.

² См. там же.

³ Там же.

⁴ См. там же. С. 235; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 467.

⁵ См.: Декреты Октябрьской революции. С. 235.

⁶ См. там же. С. 235—236; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 72, 104.

ря¹. Сначала, на дневном заседании правительства, было постановлено «выпустить особый меморандум украинскому народу и послать Раде ультиматум». С этой целью создали комиссию в составе Ленина, Сталина и Троцкого и объявили перерыв в заседании СНК для ее работы. На вечернем заседании Совнаркома предложенный комиссией проект этого документа был единогласно утвержден.

В «Манифесте», подтверждая за всеми нациями право на самоопределение и признавая его и за украинским народом, подчеркивалось, что Рада «ведет двусмысленную буржуазную политику», исключающую возможность признать ее Советской властью в качестве «полномочного представителя трудящихся и эксплуатируемых масс Украинской республики», что ее контрреволюционные шаги подрывают и дезорганизуют общий фронт борьбы, уничтожают всякую возможность достичь с ней соглашения². О каких контрреволюционных действиях Рады шла речь в документе? «Рада перемещает и отзывает односторонними приказами украинские части с фронта,— говорилось в «Манифесте»,— разрушая таким образом единый общий фронт до размежевания, осуществимого лишь путем организованного соглашения правительств обеих республик»³. Далее в документе указывалось, что «Рада приступила к разоружению советских войск, находящихся на Украине», что она «оказывает поддержку кадетски-калединскому заговору и восстанию против Советской власти», что «Рада пропускает через свою территорию войска к Каледину, отказываясь пропускать войска против Каледина»⁴. Это уже было прямым вызовом Советской власти, и Совнарком утверждает в «Манифесте» недвусмысленное предупреждение руководству Рады по поводу такой политики: «Становясь на этот путь неслыханной измены революции, на путь поддержки злейших врагов как национальной независимости народов России, так и Советской власти, врагов трудящейся и эксплуатируемой массы, кадетов и каледицев, Рада вынудила бы нас объявить, без всяких колебаний, войну ей, даже если бы она была уже вполне формально признанным и бесспорным органом высшей государственной власти независимой буржуазной рес-

¹ См.: Декреты Октябрьской революции. С. 236; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 106.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 143—144.

³ Там же. С. 144.

⁴ Там же.

публики украинской»¹. «Манифест» требовал от Рады ответа: готова ли она прекратить все действия, направленные против Советской власти. Обстановка вызывала необходимость незамедлительного получения от Рады всех разъяснений в связи с ее контрреволюционными шагами, ибо вот-вот должны были начаться переговоры о мире в Брест-Литовске, и содействие Рады кадетам и калядинцам в раздувании гражданской войны на юге, ее отвод без каких-либо предупреждений своих частей с фронта и его оголение тем самым серьезно ослабляло наши позиции на брест-литовских переговорах. Все это и обуславливало решительный тон заключительной части «Манифеста». «В случае неполучения удовлетворительного ответа... — подчеркивалось в нем, — в течение 48 часов Совет Народных Комиссаров будет считать Раду в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине»².

4 (17) декабря Ленин подписывает этот документ, и он тут же телеграфом передается в Киев³. В тот же день Рада дает ответ за подписями Винниченко и Петлюры, который был расценен как неудовлетворительный и содержащий одновременно выпады против Совнаркома⁴. Обсудив его, СНК на своем заседании 5 декабря постановляет: «Признать ответ Рады неудовлетворительным, считать Раду в состоянии войны с нами. Поручить комиссии в составе тт. Ленина, Троцкого и Сталина принять соответствующие меры по сношению со Ставкой и выпустить от имени Совета Народных Комиссаров два воззвания — к украинскому народу и к солдатам»⁵.

Положение создавалось опасное, и к каким последствиям оно могло бы привести, никто не мог заранее сказать. Советская власть делала все возможное, чтобы конфликт был решен мирным путем. Еще в конце ноября — первых числах декабря, несмотря на враждебную позицию Рады в отношении Советской власти, последняя положительно отнеслась к ее желанию иметь в составе советской мирной делегации представителей Украины⁶.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 144.

² Там же, С. 145.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 107; Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 561.

⁴ Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 562; Декреты Октябрьской революции. С. 236.

⁵ Декреты Октябрьской революции. С. 236; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 111.

⁶ См.: Известия ЦИК. 1917. 25 ноября.

И когда в Двинск прибыла делегация Рады в составе трех человек, были приняты меры для их быстрой доставки к месту переговоров¹. Совнарком положительно отнесся к посредническим попыткам между ним и Радой, которые были предприняты 6 декабря представителями «Украинского революционного штаба» в Петрограде, а 7 декабря сначала украинскими представителями II крестьянского съезда, заседавшего в эти дни в Петрограде, а затем в тот же день делегатом этого же съезда левым эсером В. А. Карелиным². Но и эти шаги никаких практических результатов не дали. Рада, поощряемая и извне, закусила удила и ужесточила свой антисоветский курс. Она распорядилась о закрытии границ Украины с Россией, готовилась в Киеве к открытию британского генерального консульства, при котором планировалось создать специальный отдел для поддержания дипломатических отношений англичан с Радой³. В этих условиях Советское правительство придерживалось единственно разумной линии: оно продолжало предпринимать попытки к разрешению этого внутреннего конфликта мирным путем.

А между тем сгущались тучи и на внешнем фронте. Наркоминдел был вынужден даже отдать распоряжение не выдавать никаких пропусков и других документов представителям посольств тех стран, которые чинят затруднения Советской власти в ее контактах с заграницей, в продвижении советских мирных инициатив на международной арене⁴. В ночь с 5 на 6 декабря Ленин принимает члена французской военной миссии в России капитана Ж. Садуля и в беседе с ним решительно высказывается за участие наших бывших союзников — Франции, Англии, США и других стран — в общих переговорах о мире⁵.

6 декабря «Известия ЦИК» в виде передовой публикуют статью Троцкого по поводу заключения перемирия и приостановки военных действий на Восточном фронте. Призывая рабочих воюющих стран и их солдат к борьбе «за немедленное прекращение войны на всех фрон-

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 3 декабря.

² См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 578, 579; Декреты Октябрьской революции. С. 243—244.

³ См.: Вольный Юг. 1917. 9 декабря.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1917. 3 декабря.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 112; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 68.

тах», газета подчеркивала, что «за подлинный демократический мир народам предстоит еще только бороться», ибо условий для него, кроме России, пока нигде нет. И в этой связи, думается, с излишней свехреволюционностью, которая могла лишь усложнить позиции нашей делегации в Брест-Литовске, Троцкий писал: «В переговорах о мире Советская власть ставит себе двойную задачу: во-первых, добиться как можно скорейшего прекращения постыдной и преступной бойни, которая губит Европу, во-вторых, помочь всеми доступными нам средствами рабочему классу всех стран низвергнуть господство капитала и овладеть государственной властью в целях демократического мира и социалистического переустройства Европы и всего человечества». Троцкого, как это было часто в нашей истории, непомерно заносило. Более сдержанным и трезвым в этом смысле было опубликованное газетой в тот же день обращение Советского правительства «К трудящимся, угнетенным и обескровленным народам Европы», в котором оно призывало рабочих и солдат воюющих стран взять дело мира «в свои руки», подчеркивая, что это «единственный путь спасения для вас и для нас».

8 декабря в Петрограде состоялось объединенное заседание ВЦИК, II крестьянского съезда, Петроградского Совета, представителей профсоюзов, фабрично-заводских комитетов, полковых комитетов и районных Советов¹. На заседании присутствовали члены Совнаркома, партии левых эсеров, других организаций. На повестке дня был один вопрос: заключение перемирия и дальнейшая борьба за всеобщий демократический мир. Первой в прениях выступала от левых эсеров Спиридонова, которая подчеркивала, что на русском фронте пробита наконец брешь в борьбе против войны и что ее партия поддерживает линию Совнаркома на мир². О переговорах в Брест-Литовске говорил и Троцкий³. На заседании было принято «Обращение к трудящимся массам всех стран»⁴. В нем подчеркивалось, что политика Советского правительства по вопросам мира открывает путь к прекращению войны на всех фронтах. Призывая германских рабочих поддерживать борьбу русского народа за справедливый все-

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 9 декабря; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 58—59.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 9 декабря.

³ См. там же.

⁴ Там же; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 58—59.

общий мир, в документе заявлялось: «Разве вы боретесь для того, чтобы умирать не на Висле, а на Изере?»¹ Обращаясь к рабочим Франции, Англии, Италии, Сербии, Бельгии, документ подчеркивал: «И вы должны возвысить ваш голос. Пусть знают ваши правительства, что вы не хотите больше проливать кровь ради чуждых вам грабительских целей. Одни мы, представители трудящихся масс России, не можем вам дать всеобщего мира»². Только воля народов заставит империалистов всех стран пойти на всеобщий справедливый мир — таков был лейтмотив этого обращения.

Однако курс империалистов Антанты на продолжение войны до полного разгрома Германии и ее союзников был сильнее и превалировал над сознанием и движением трудящихся за прекращение бессмысленной бойни народов. А потому все, что препятствовало проведению этого курса, объявлялось враждебным интересам союзных держав. Советская власть и ее политика мира были здесь на первом месте. «Большевиков следует рассматривать как открыто признанных врагов»³, — говорилось на заседании кабинета Ллойда Джорджа 7 декабря 1917 года.

Что касается Германии, то она стремилась быстрее развязать себе руки на востоке. Но в то же время она не хотела упустить здесь и своей добычи, которая представлялась ей сравнительно доступной, если иметь в виду тяжелое политическое, экономическое и военное положение Советской власти. И готовясь к открытию мирных переговоров в Брест-Литовске, Германия намечала проводить на них четко выраженный аннексионистский курс. Э. Людендорф в своих воспоминаниях пишет, что 18 декабря (значит, по старому стилю это было 5, то есть накануне открытия мирных переговоров в Брест-Литовске) в Крейцнахе под председательством кайзера состоялось совещание, на котором присутствовали высшие политические и военные чины Германии. Цель совещания — установить условия мира, «которые должны были быть поставлены России»⁴. Людендорф подчеркивает, что император, не встретив возражений со стороны канцлера и министра иностранных дел, высказал согласие «с проектом присоединения оборонительной полосы вдоль прус-

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 58.

² Там же. С. 59.

³ Штейнберг Валентин. Джентльмены в Латвии (1917—1929). Тайное и явное в политике Запада. Рига, 1983. С. 25.

⁴ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. С. 112.

ско-польской границы в тех размерах, которые мы признавали удовлетворительными»¹; под «мы» подразумевались военные круги Германии.

В целом на совещании речь шла о Литве, Курляндии, Эстляндии и Лифляндии. В отношении Курляндии (территория бывшего Ливонского ордена, после его распада в конце XVIII века присоединенная к России) и Литвы, пишет далее Людендорф, решили, что «мы будем придерживаться прежнего направления, если в будущем на восточной границе не явятся новые опасности для Германской империи»². Что касается Эстляндии (историческое название Северной Эстонии) и Лифляндии (часть Северной Латвии и Южной Эстонии), то, продолжает Людендорф, «его величество решил предложить России очистить эти области, но не настаивать на этом требовании, чтобы предоставить эстонцам и латышам использовать право самоопределения наций»³.

Готовилась к переговорам в Брест-Литовске и Советская власть. Много было у нее дел — и внешних и внутренних. Из ставки приходили сообщения, что нарушений перемирия на фронтах не наблюдается, происходит братание солдат, на ряде участков, например, Западного фронта, оно носит массовый характер, а на Юго-Западном — немцы даже протестуют, что их окопы посещают большие группы наших солдат⁴. Все это свидетельствовало о том, что наступившее перемирие отвечало настроениям широких солдатских масс как России, так и противника. Не случайно французский министр иностранных дел Пишон заявлял в это время, что, «несмотря на все усилия союзных правительств, перемирие (на Румынском фронте) не могло быть предотвращено»⁵.

На фронте жаждали мира, верили в него, а положение солдат в окопах, даже в условиях перемирия, было тяжелейшим из-за отсутствия продовольствия, фуража, зимнего обмундирования. Враждебная Советской власти печать по этому поводу подогревала страсти среди населения в тылу. «Последние сведения с фронтов,— писала, например, газета «Баку»,— указывают, что солдатские массы выходят из повиновения даже той власти, которая

---

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. С. 112.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1917. 8 и 13 декабря.

⁵ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 19 декабря.

принесла им надежду на немедленный мир»¹. Как удержать фронт, снабдить его всем необходимым в условиях наступившей зимы и развалившегося транспорта, каково положение на фронте с точки зрения боевой готовности войск на случай каких-либо непредвиденных обстоятельств в ходе переговоров с немцами? Все эти вопросы постоянно находились в поле зрения Совнаркома и лично Ленина, неоднократно в эти дни ведшего переговоры по прямому проводу с главкомом Н. В. Крыленко².

В правильности внешнеполитического курса Советской власти убеждались все более широкие слои населения, прежде всего крестьяне и выразители их демократических устремлений — левые эсеры. Так, в принятой II съездом крестьянских депутатов резолюции подчеркивалось, что съезд «приветствует первый крупный успех, завоеванный на пути борьбы против бесчестной империалистической бойни, и обещает поддержку миллионов крестьян и солдат той политике» ЦИК и СНК, «которая направлена к скорейшему достижению честного демократического мира народов»³. Съезд постановил перевести эту резолюцию на немецкий, французский и другие языки и сообщить ее «всеми возможными способами всевоюющим и нейтральным народам»⁴.

Надо сказать, что Советская власть активно проводила линию на всемерную пропаганду своего внешнеполитического курса, всей своей политики среди трудящихся и солдат воюющих стран. В Петрограде тогда нередко можно было видеть и читать такие документы, как отношение Военно-революционного комитета о выдаче армейскому исполнительному комитету 5-й армии 30 пудов... литературы на немецком языке или просьбу отдела по делам военнопленных Наркомата по иностранным делам к ВРК выдать солдатскую одежду немецким военнопленным Геслеру Отто и Павлу Анковерку, необходимую им для работы среди германских и австрийских военнопленных в России с целью агитации и создания интернационалистических организаций⁵. На агитационные цели, связанные с пропагандой мира и борьбы за него, Совнар-

---

¹ Баку. 1917. 9 декабря.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 113, 119.

³ Известия ЦИК. 1917. 7 декабря.

⁴ Там же.

⁵ См.: Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 3 т. М., 1967. Т. 3. С. 574—585.

ком выделял посильные средства. Например, в ночь с 9 на 10 декабря Советское правительство обсуждало вопрос об ассигновании В. В. Воровскому в Стокгольм 2 миллионов рублей в фонд борьбы за мир, а 11 декабря Ленин уже подписывает соответствующее правительственное постановление на этот счет¹. В нем, в частности, говорилось: «Принимая во внимание, что советская власть стоит на почве принципов международной солидарности пролетариата и братства трудящихся всех стран; что борьба против войны и империализма может только в международном масштабе привести к полной победе, Совет Народных Комиссаров считает необходимым прийти всеми возможными, и в том числе денежными, средствами на помощь левому интернационалистическому крылу рабочего движения всех стран, совершенно независимо от того, находятся ли эти страны с Россией в войне, или в союзе, или же сохраняют нейтральное положение»². Газеты в эти дни публиковали объявления вроде следующего: «Декрет о мире на немецком, турецком, мадьярском, польском и др. языках товарищи, отправляющиеся на фронт, могут получить в Смольном институте, 1-й этаж, комн. № 4»³.

Большое значение для укрепления позиций Советской власти имело дальнейшее сближение точек зрения левых эсеров и большевиков по многим вопросам внутренней политики и почти идентичности их взглядов по проблемам мира и мирных переговоров в Брест-Литовске. 7 декабря Ленин председательствует на заседании Совнаркома, на котором обсуждался и вопрос о вхождении левых эсеров в правительство⁴. В ночь с 9 на 10 (с 22 на 23) декабря СНК вновь возвращается к этому вопросу, в результате чего была достигнута договоренность о том, что Прошьян, Алгасов, Трутовский, Михайлов, Измайлович и Штейнберг вошли в состав Советского правительства, в котором левые эсеры, с учетом заседавшего в СНК Колегаева, были теперь представлены 7 нарками⁵.

---

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 121, 124.

² Декреты Октябрьской революции. С. 281.

³ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 13(26) декабря.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 116.

⁵ См. там же. С. 121; Известия ЦИК. 1917. 12 декабря.

Поддержка левыми эсерами внешнеполитического курса Советской власти укрепляла, конечно, ее авторитет на международной арене. Орган левых эсеров «Знамя Труда» подчеркивал, что политика мира «есть единственное средство отстоять великие завоевания революции как в ее национальном, так и международном значении»¹. «Знамя Труда» писало о восторге трудового крестьянства по поводу вести о заключении перемирия, что «от слов приступлено к делу, что к миру подошли вплотную, что войне, наконец, нанесен жестокий, роковой удар»².

О том, что с войной надо кончать, что с миром тянуть дальше невозможно, на этом сходились многие политические партии и группы, действовавшие тогда в России. Но в их взглядах на эти вопросы были оттенки, различные подходы, неодинаковые точки зрения на приемы и средства решения вставших перед Советской властью вопросов. Эта неоднозначность проявлялась и в рядах партии большевиков. Все это в какой-то мере можно было наблюдать и на уже упоминавшемся объединенном заседании 8 декабря ВЦИК, II съезда крестьянских депутатов, Петросовета, а также представителей других организаций и органов, включая и Совнарком. Выступивший там после Спиридоновой Троцкий, как бы отвечая тем, кто упрекал большевиков в ведении переговоров с генералами, говорил: «Конечно, наше положение было бы много лучше, если бы народы Европы восстали вместе с нами и нам пришлось бы разговаривать не с генералом Гофманом и графом Черниным, а с Либкнехтом, Кларой Цеткин, Розой Люксембург и другими. Но этого еще нет, и ответственность за это не может быть возложена на нас»³. Оратор подчеркивал отсутствие какого-либо нарушения принципов интернационализма в факте наших переговоров с немцами. Троцкий заявлял, что, если голос рабочего класса Германии «не проснется и не окажет того могучего влияния, которое должно сыграть решающую роль... мир будет невозможен»⁴. Другими словами, решение вопроса переносилось в международную плоскость, обуславливалось развитием событий на международной арене.

Будучи отличным оратором, Троцкий в этой своей речи как бы предлагал огромной аудитории различные

---

¹ Известия ЦИК. 1917. 10 декабря.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

варианты развития событий в Брест-Литовске, как бы «проигрывал» эти возможные варианты на большой массе людей, среди которых были представители всех политических течений.

Говоря о том, что без воздействия германского рабочего класса «мир будет невозможен», оратор в то же время заявлял о крепнущей у нас уверенности в могучем воздействии самих переговоров на борьбу народов за мир. Троцкий тут же еще более заострял вопрос: «Но если бы мы ошиблись, если бы мертвое молчание продолжало сохраняться в Европе, если бы это молчание давало бы Вильгельму возможность наступать и диктовать условия, оскорбительные для революционного достоинства нашей страны, то я не знаю, смогли ли бы мы, при расстроенном хозяйстве и общей разрухе, явившейся следствием войны и внутренних потрясений, смогли ли бы мы воевать»¹.

Оратор, таким образом, выдвигал перед полномочным собранием дилемму: в международном плане поддержки нет, враг наступает, сил разрушенная страна не имеет. Более того, не только выдвигал эту дилемму, но и выражал свое личное сомнение в возможности вести в такой обстановке войну. Однако тут же твердо заявлял другое: «Я думаю: да, мы смогли бы. За нашу жизнь, за смерть, за революционную честь мы боролись бы до последней капли крови»². И на эти слова оратора собрание ответило взрывом аплодисментов.

Далее последовал еще более любопытный поворот в речи Троцкого, который связал тему мирных переговоров с вопросом об Учредительном собрании. «Если нам предложат условия, неприемлемые для нас и всех стран, противоречащие основам нашей революции,— заявил Троцкий,— то мы эти условия представим Учредительному собранию и скажем: решайте. Если Учредительное собрание согласится с этими условиями, то партия большевиков уйдет и скажет: ищите себе другую партию, которая будет подписывать эти условия, мы же — партия большевиков и (здесь оратор обратился к нашим союзникам по власти), надеюсь, левые эсеры, призовем всех к священной войне против милитаристов всех стран»³. И снова аплодисменты зала, готового драться за революцию до конца.

¹ Известия ЦИК. 1917. 10 декабря.

² Там же.

³ Там же.

Но и этот тезис был не последним в речи Троцкого. Выразив сначала сомнение в возможности противостоять без поддержки международного пролетариата натиску германских армий в случае неблагоприятного для нас хода событий в Брест-Литовске, заявив тут же, что тогда мы все же будем вести революционную войну не на жизнь, а на смерть, Троцкий поворачивает ход своих рассуждений и еще одной гранью проблемы — нашим, по сути дела, поражением в ходе такой революционной войны, хотя открыто он говорит не о поражении, а о невозможности вести ее. «Если же мы, в силу хозяйственной разрухи, воевать не сможем, если мы вынуждены будем отказаться от борьбы за свои идеалы,— подчеркнул оратор,— то мы своим зарубежным товарищам скажем, что пролетарская борьба не окончена, она только отложена, подобно тому как в 1905 году мы, задавленные царем, не закончили борьбу с царизмом, а лишь отложили ее»¹.

В выступлении Троцкого наглядно отразились те точки зрения, которые все более отчетливо проступали в руководстве партии большевиков, среди левых эсеров, других политических сил. Пока еще в зародыше, но в этой речи уже наличествовали и тезис «ни мира, ни войны», и положение о возможности утраты Советской власти ради подталкивания развития мировой революции, и призыв к революционной войне при любых условиях, и отрицание любых компромиссов, и многое другое, вокруг чего через пару месяцев закипят страсти, до предела накалившие обстановку в стране, в партии, поставившие на край гибели молодую Советскую власть.

Таков был фон, на котором должны были начинаться в Брест-Литовске переговоры о мире. Их открытие намечалось на 5 (18) декабря, но в связи с тем, что делегации Австро-Венгрии и Турции запаздывали, решено было начать работу 9 декабря². И поэтому часть советской делегации, уже прибывшей в Брест-Литовск, побывала в эти дни в Варшаве, где ознакомилась с положением наших военнопленных³. Передышкой воспользовались и немцы, проведя 7 декабря совещание у канцлера Гертлинга, который сообщил присутствующим, что он назначил вести переговоры министра иностранных дел фон Кюльмана, а последний ознакомил собравшихся с планом ведения мирных переговоров, получив его одобре-

¹ Известия ЦИК. 1917. 10 декабря.

² См. там же.

³ См. там же.

ние представителями всех партий, в том числе и Независимой социал-демократической, от которой на этом совещании присутствовал Г. Гаазе¹.

Шел 45-й день Советской власти. Это была суббота, 9 (22) декабря 1917 года. В этот день в Брест-Литовске в 16 часов 24 минуты начала свою работу мирная конференция, открылось ее первое пленарное заседание². На переговоры в Брест-Литовск делегации прибыли в следующих составах.

Советскую делегацию представляли ее руководитель А. А. Иоффе, Л. Б. Каменев, А. А. Биценко, М. Н. Покровский, секретарь делегации Л. М. Карахан, консультант М. П. Вельман-Павлович, военные консультанты контр-адмирал В. М. Альтфатер, генерал А. А. Самойло, капитаны В. А. Липский и И. Я. Цеплит³.

В делегацию Германии входили министр иностранных дел фон Кюльман в качестве ее главы, генерал-майор Гофман, посланник фон Розенберг, директор правового департамента Криге, тайный советник Надольный, капитан 1-го ранга Горн, майор Брикман, директор экономического департамента Иоганнес.

Значительной по составу была делегация Австро-Венгрии, в которую входили возглавлявший ее министр иностранных дел граф Чернин, посол фон Мерей, посланник фон Визнер, легационные советники графы Коллоредо и Чаки, фельдмаршал-лейтенант фон Чичерич, оберлейтенант Покорный, майор фон Глайзе.

Болгарию представляли министр юстиции Попов, посланники Коссов и Стаянович, полковник Ганчев, легационный секретарь Анастасов⁴.

И наконец, в турецкую делегацию входили великий визирь Талаат-паша, министр иностранных дел Ахмед Несим-бей, посол Ибрагим Хакки-паша, генерал от кавалерии Зеки-паша, легационный советник Решад Хикмет-бей⁵.

---

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 15 декабря.

² См. там же. 10 и 14 декабря; Мирные переговоры в Брест-Литовске с 22/9 декабря 1917 г. по 3 марта (18 февраля) 1918 г. Т. 1; Пленарные заседания. Заседания Политической комиссии. Издание Народного комиссариата иностранных дел. М., 1920. С. 3.

³ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 3; Известия ЦИК. 1917. 14 и 16 декабря; *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. С. 59.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1917. 14 и 16 декабря; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 3.

⁵ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 3.

Кроме того, со стороны Германии и Австро-Венгрии помимо официальных членов делегаций присутствовало много высокопоставленных чинов их внешнеполитических ведомств¹.

Первое заседание было коротким и продолжалось менее часа. Оно открылось краткой речью генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского, приветствовавшего всех в своей «главной квартире в качестве гостей»². Подчеркнув, что стараниями присутствующих война остановлена заключением перемирия, Баварский попросил Ибрагима Хакки-пашу принять по старшинству председательствование, пожелал конференции успеха и покинул зал заседания. Заняв место председателя, турецкий делегат поблагодарил за оказанную ему честь возглавить первое заседание конференции, а затем в изысканных, цветистых фразах, подчеркивая, что все делегации — гости Германии, в свою очередь предложил, выражая надежду на всеобщее согласие, председательствовать фон Кюльману.

Высказав обычные дежурные фразы по этому поводу, Кюльман постарался придать деловой характер работе конференции. Сказав, что вряд ли возможно сразу же обговорить все процедурные детали переговоров, он подчеркнул, что «скорее нам предстоит определение главных принципов и условий, при которых мирные и дружественные сношения, особенно в культурной и хозяйственной областях, смогут быть вновь возобновлены в ближайшем будущем, а также и обсуждение лучших средств, которыми можно было бы залечить раны, причиненные войной»³. Глава германской делегации брал, как говорится, быка за рога: немцам были нужны хозяйственные связи с Россией (они были разорваны войной) для получения необходимого Германии продовольствия и сырья. Поэтому Кюльман и выразил пожелание, чтобы ход работы конференции «был быстрый и успешный»⁴. Что же касается слов о залечивании ран, причиненных войной, то они адресовались прежде всего измученному, обескровленному и разоренному народу России.

Без затруднений был решен и вопрос о протоколе. Порядок перечисления в документах стран, участвующих в конференции, и председательствования на пленарных

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 14 декабря.

² Там же; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 3.

³ Известия ЦИК. 1917. 14 декабря.

⁴ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 4.

заседаниях должен был происходить по латинскому алфавиту, ведение протоколов — на немецком и русском языках, а выступления — на языках представленных в Брест-Литовске государств¹. Не возражали делегации и против предложения Ибрагима Хакки-паши использовать для выступлений французский язык, хотя Кюльман и бросил реплику, что при этом надо будет всегда проявлять заботу о переводе. Наконец, по предложению Кюльмана был решен вопрос о способе ведения переговоров: общие принципы и темы договорились обсуждать на пленарных заседаниях, а вопросы, затрагивающие, скажем, Болгарию и Россию или Турцию и Россию, решать с меньшим составом участников заседания, то есть тех стран, которых это непосредственно касается². Какие вопросы где обсуждать, должно было решать пленарное заседание. Как подчеркивал Кюльман, внося эти предложения, такой порядок работы мирной конференции позволит одновременно проводить два-три заседания и «не слишком затянуть переговоры»³. Последнего, и это чувствовалось, как мы уже сказали, сразу же по началу работы конференции, немцы не хотели.

Закончив с процедурными вопросами, Кюльман предложил Иоффе высказаться относительно того, какие принципы, по мнению русских, «должны быть положены в основу наших работ»⁴. Глава нашей делегации начал с того, что обратил внимание присутствующих еще на один важный процедурный момент, не нашедший своего отражения в предложениях Кюльмана. Речь шла о гласности при ведении переговоров. «Мы считаем необходимым,— заявил Иоффе,— чтобы все заседания были публичны и чтобы на них велись подробные протоколы. За каждой стороной остается право публиковать полностью протоколы заседаний»⁵. При опросе Кюльманом присутствующих свои сомнения на этот счет на французском языке выразил Ибрагим Хакки-паша. Кюльман же взял на себя и «труд» изложить точку зрения турецкого делегата. По словам Кюльмана, она заключалась в следующем. Сам факт «публичности» при ведении переговоров

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 4; Известия ЦИК. 1917. 14 декабря.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 14 декабря; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 5.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

не вызывает сомнения у Ибрагима Хакки-паши. Но он придерживается того взгляда, что ежедневная публикация в печати материалов о ходе переговоров или отдельных стадий их развития до окончания самих переговоров возбудит лишь дискуссии в прессе и в обществе, а это может угрожать продолжению и успешному окончанию конференции. Сам же Ибрагим Хакки-паша, обращаясь к нашей делегации, вопрошал: не могла бы русская делегация найти средний путь, который, не затрагивая принципа публичности, вместе с тем дал бы возможность не подвергать ежедневно открытой дискуссии отдельных аргументов и фраз переговоров? ¹

Однако советская делегация не склонна была уступать в вопросах подробного освещения работы конференции. «Мы полагаем,—подчеркивал Иоффе, отвечая на возражения как самого турецкого делегата, так и частично на изложенные Кюльманом,— что, наоборот, открытое и гласное обсуждение условий мира полезно и даже необходимо в интересах достижения того мира, за который мы боремся» ². Разумеется, говорил Иоффе, технически осуществить это не легко и будут издержки с публикацией материалов мирной конференции. Кюльман, выступивший вслед за Иоффе, постарался найти компромисс в решении вопроса об освещении в печати хода переговоров. Он подчеркивал, что делегации стран Четверного союза отнюдь не против гласности, что все протоколы будут сверяться, что, наконец, с такой постановкой вопроса согласен и Ибрагим Хакки-паша. На этом стороны и договорились, перейдя далее к заслушиванию руководителя советской делегации Иоффе; он выступал по вопросу о принципах, которые, по нашему мнению, должны быть положены в основу мирных переговоров. Мы исходим, говорил Иоффе, «из ясно выраженной воли народов революционной России добиться скорейшего заключения всеобщего демократического мира» ³. Принципы такого мира, подчеркивал глава советской делегации, заключены в Декрете о мире. Эти принципы, которые мы предлагали положить в основу мирных переговоров, были представлены конференции в виде шести пунктов ⁴.

Мы предлагали вести переговоры, исходя из следую-

---

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 14 декабря; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 5, 6.

² Там же.

³ Там же. С. 6.

⁴ См. там же. С. 6—8.

щего. Никакие насильственные присоединения территорий, захваченных во время войны, не допускаются, а войска, оккупировавшие их, выводятся с этих территорий в кратчайший срок.

Те народы, которые во время войны лишились своей политической самостоятельности, должны быть восстановлены в ней во всей полноте.

Мы привлекали внимание к положению национальных групп, которые не пользовались до войны самостоятельностью, и предлагали гарантировать им возможность путем референдума свободно самоопределиваться, то есть самим решить вопрос о своей принадлежности к тому или иному государству или о своей государственной самостоятельности; такой референдум, по нашему мнению, должен был проходить при полной свободе голосования для всего населения данной территории, включая эмигрантов и беженцев.

На территориях, где население состоит из нескольких национальностей, права всех национальных меньшинств должны быть ограждены законом, который обеспечивал бы им культурно-национальную самостоятельность, а при наличии к тому фактической возможности — административную автономию.

Стороны должны руководствоваться при мирных переговорах тем, что ни одно из воюющих государств не платит другому контрибуции, а все уже взысканные контрибуции в виде так называемых «военных издержек» подлежат возврату; убытки частных лиц, пострадавших от войны, возмещаются из особого фонда, образуемого путем пропорциональных взносов всех воюющих государств.

И наконец, мы предложили решать все колониальные вопросы на основе первых четырех пунктов представленной нами декларации. А в дополнение к этим пунктам Иоффе заявил, что советская делегация «предлагает договаривающимся сторонам признать недопустимым какие-либо косвенные стеснения свободы более слабых наций со стороны наций более сильных, как-то: экономический бойкот, подчинение в хозяйственном отношении одной страны другой при помощи навязанного торгового договора, сепаратные таможенные соглашения, стесняющие свободу торговли третьих стран, морскую блокаду, не преследующую непосредственно военные цели»¹.

¹ Известия ЦИК. 1917. 10 декабря; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 8.

Огласив все шесть пунктов, Иоффе в заключение заявил, что мы не мыслим себе всеобщего демократического мира без реализации заложенных в них принципов. Надо думать, что для держав Четверного союза предложенная нами основа ведения мирных переговоров явилась все же неожиданностью. Почему? Видимо, австро-германской коалиции было трудно понять, что на такое могла решиться страна, стоявшая на грани экономического краха, не имевшая никаких, на их взгляд, материальных средств для своей защиты, раздираемая внутренними междоусобицами, уже вступившая в кровавую гражданскую войну за власть между силами революции и контрреволюции, причем на стороне последних открыто действовали бывшие союзники России — страны Антанты. В такое, конечно, было невозможно поверить, учитывая к тому же, что и в самой-то России у большинства не было пока еще твердого убеждения в благоприятном исходе «большевистского эксперимента» в целом.

Во всяком случае, такая «неожиданность» проявилась в концовке этого первого пленарного заседания. Мы пока не можем высказаться относительно вашей декларации, заявил Кюльман, поскольку не имеем ее в письменной форме. Поэтому, продолжал он, просим быстрее передать нам ваши предложения, которые мы должны обсудить и обменяться по ним мнениями. И здесь Кюльман обратился к делегациям Четверного союза с вопросом: смогут ли они изучить и обсудить русские предложения за сегодняшний вечер, то есть в течение 9 (22) декабря, и завтрашнее утро, то есть уже 10 (23) декабря, чтобы после обеда дать ответ? Чернин предложил попытаться сделать это к утру 10 (23) декабря, а в случае невозможности, сказал он, у нас будет время отложить заседание¹. В этой связи Кюльман заявил, что если утром 10 декабря от делегаций стран Четверного союза не последует никаких других уточнений, то он считает возможным собраться на пленарное заседание в тот же день в 16 часов, чтобы дать ответ русской делегации². Поскольку никаких возражений не последовало, Кюльман объявил о закрытии первого пленарного заседания; было 17 часов 13 минут, заседание продолжалось менее часа³.

---

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 14 декабря; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 8, 9.

² См. там же.

³ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 9; Известия ЦИК. 1917. 10 и 14 декабря.

«Неожиданность» русских предложений продолжала довлеть над странами австро-германского блока и в последующие дни. 10 декабря заседание не состоялось: страны Четверного союза не смогли подготовить свой ответ и попросили перенести заседание на 16 часов 11 (24) декабря¹. Но и в этот день собраться снова не удалось: ответ на наши предложения по-прежнему не был готов, и делегации другой стороны опять попросили отложить заседание на 12 (25) декабря².

Ответ на нашу декларацию был дан поздно вечером на втором пленарном заседании, которое открылось в 22 часа 11 минут под председательством Кюльмана³. В начале его сразу же подчеркивалось, что делегации Четверного союза «исходят из ясно выраженной воли своих правительств и народов как можно скорее добиться заключения общего справедливого мира». И в этой связи заявлялось, что «основные положения русской декларации могут быть положены в основу переговоров о таком мире», что державы Четверного союза «согласны немедленно заключить общий мир без насильственных присоединений и без контрибуций», что они «присоединяются к воззрению русской делегации, осуждающей продолжение войны ради чисто завоевательных целей».

После этой как бы преамбулы в ответе держав Четверного союза подытоживалось, что они «торжественно заявляют свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных равно справедливых для всех без изъятий воюющих держав условиях». Но в то же время подчеркивалось: «Необходимо, однако, с полной ясностью указать на то, что предложения русской декларации могли бы быть осуществлены в том случае, если бы все причастные к войне державы без исключения и без оговорок в соответствующий срок обязались точнейшим образом соблюдать общие для всех народов условия. Договаривающиеся теперь с Россией державы Четверного союза не могут, конечно, связываться односторонне с такими условиями, не имея ручательства в том, что союзники России признают и исполняют эти условия честно и без оговорок по отношению к Четверному союзу».

---

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 13 декабря.

² См. там же.

³ См. там же. 14 декабря; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 9—11.

Страны австро-германского блока не могли, разумеется, открыто выразить свое несогласие с предложенными советской делегацией принципами ведения мирных переговоров и заключения мира. Они должны были считаться с тем, что их народы также устали от войны и жаждут мира, что идеи русской революции, особенно ее призывы к прекращению войны и конкретные действия в этом направлении, находят широкий отклик в гуще народных масс. Поэтому они не могли отрицательно ответить на предложения нашей делегации, но их «согласие» заключить мир на основе русских предложений было вынужденным даже с формальной стороны. Государства Четверного союза ничего не теряли при этом, идя на встречу советским предложениям. Почему?

Прежде всего они прекрасно понимали, что страны Антанты и США не пойдут на переговоры о всеобщем демократическом мире, да еще на условиях, предлагаемых Советской властью, большевиками. Бывшие союзники России, владевшие куда большими размерами колониальных территорий, чем Германия, даже и мысли не допускали, чтобы расстаться с этими землями, приносящими им баснословные прибыли. В этих условиях Германии было очень легко спрятаться за широкую колониальную «спину» стран Антанты и США. Другими словами, Германия и ее союзники могли спокойно возложить на них ответственность за срыв переговоров о всеобщем демократическом мире. Поэтому-то, дав в принципе согласие на ведение переговоров, ответ австро-германского блока тут же содержал замечания по всем шести пунктам советской декларации, которые фактически либо вели к их отрицанию, либо затрудняли их выполнение.

Так, подтверждая, что страны Четверного союза не намерены присоединять к себе захваченные во время войны территории, документ держав Четверного союза одновременно подчеркивал, что вопрос о выводе войск из этих территорий, если об этом не будет условлено заранее, может быть решен только всеобщим мирным договором.

Трактуя право наций на самоопределение, документ австро-германского блока заявлял, что этот вопрос решается не в международном плане, а каждым государством в отдельности вместе со своим народом и путем, который установлен его конституцией. По существу, это было непризнание за каждой нацией права самой решать свою судьбу.

Уклончивая позиция была занята австро-германским блоком и в отношении национальных меньшинств: в документе говорилось, что этот вопрос страны Четверного союза будут ставить в зависимость от наличия фактических возможностей для его решения.

Мы за взаимный отказ от возмещения причиненных войной убытков, заявлялось в их ответе по поводу пятого пункта советских предложений. Что же касается особого международного фонда, из которого предполагается возмещать сторонам эти убытки, то это русское предложение, подчеркивалось в документе, «может быть обсуждено лишь в том случае, если другие воюющие державы примкнут к мирным переговорам».

И наконец, замечания австро-германского блока по шестому пункту нашей декларации. Начав с констатации того факта, что только одна Германия из всех стран Четверного союза имеет колонии, что все страны Четверного союза выступают за возврат насильственно захваченных во время войны колониальных территорий и за их очищение от войск противника, в ответе их вместе с тем заявлялось о невозможности распространить принцип самоопределения наций на германские колонии, туземное население которых, дескать, очень привязано к своей метрополии.

Заключили же свой ответ государства Четверного союза тем, что весьма и весьма интересовало австро-германский блок, испытывавший острую нужду в продовольствии и сырье: было заявлено о поддержке принципов хозяйственных отношений, предложенных русской делегацией. На это страны Четверного союза готовы были пойти даже без решения вопроса о всеобщем демократическом мире.

После оглашения ответа австро-германского блока слово взял Иоффе¹. Он заявил, что русская делегация, с удовлетворением воспринимая согласие держав Четверного союза на ведение переговоров о заключении всеобщего демократического мира, вместе с тем отмечает ограничительное толкование ими права наций на самоопределение. Такой подход фактически подрывает признание государствами Четверного союза принципа мира «без аннексий». Иоффе отметил также, что и принцип «без контрибуций», признаваемый австро-германским блоком на словах, серьезно ущемляется в свою очередь по-

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 11—13.

пытками добиться вознаграждения за содержание военнопленных, которое может стать скрытой формой той же контрибуции. Наконец, Иоффе говорил, что русская делегация настаивает на создании международного фонда возмещения убытков, равно как и на одинаковом понимании всеми принципа самоопределения наций, который имеет самое прямое отношение и к населению германских колоний.

Была уже глубокая ночь с 12 на 13 (с 25 на 26) декабря, когда стало ясно, что по целому ряду принципиальных вопросов наметились различные точки зрения. Тем не менее, как заявил Иоффе, российская делегация «полагает, что заключающееся в декларации держав Четверного союза открытое заявление об отсутствии с их стороны каких-либо агрессивных планов дает фактическую возможность немедленно приступить к переговорам о всеобщем мире между всеми воюющими странами»¹. Поэтому глава советской делегации в заключение своего выступления предложил объявить перерыв в переговорах на 10 дней: от 24 часов с 12 на 13 (с 25 на 26) декабря 1917 года до 22 часов 22 декабря 1917 года (до 22 часов 4 января 1918 года по новому стилю).

Это был разумный и логичный шаг. При создавшейся обстановке, когда обе стороны были заинтересованы в мире и хотели его, принципиальные расхождения по ряду вопросов их заявлений-деклараций не давали им возможности заключить между собой мир немедленно. В этих условиях непосредственный личный контакт с Петроградом, с руководством партии и страны, с народом был нам, пожалуй, более необходим и более нужен, чем державам Четверного союза. Мы за перерыв в переговорах, формулировал наше предложение Иоффе, с тем «чтобы народы, правительства которых не примкнули еще к ведущимся переговорам о всеобщем мире, имели бы возможность достаточно ознакомиться с устанавливаемыми ныне принципами такого мира»².

Такая позиция советской стороны была вместе с тем и естественным следствием принципиальной оговорки австро-германского блока в его заявлении о том, что всеобщий демократический мир на условиях, предложенных русской делегацией, возможен лишь при согласии с ними всех воюющих держав и их участия в данных переговорах.

¹ Известия ЦИК. 1917. 14 декабря; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 13.

² Там же.

Однако наше предложение о перерыве в переговорах не должно было, по мнению русской делегации, ни в коей мере влиять на их будущее продолжение через 10 дней. «По истечении указанного срока,— подчеркивал Иоффе,— переговоры должны быть возобновлены независимо от того, присоединятся ли к переговорам другие воюющие державы и в каком числе»¹. И то, что мы были за продолжение переговоров, подчеркивалось в последующих словах Иоффе, сказавшего о возможности продолжить обсуждение таких пунктов, в которых отдельные державы будут заинтересованы и при всеобщем демократическом мире².

И здесь Кюльман сразу же попросил Иоффе высказать свое мнение о времени работы конференции на следующий день. Глава советской делегации предложил открыть ее в 10 часов утра. Возражений не последовало, и Кюльман в 22 часа 44 минуты закрыл второе пленарное заседание мирной конференции в Брест-Литовске³.

Он же утром 13 (26) декабря открыл и председательствовал на заседании политической комиссии в составе русской, германской и австро-венгерской делегаций⁴. Как сказал Кюльман, сегодняшние переговоры сводятся к обмену мнениями между русскими и германскими представителями, но у последних много общего с австро-венгерской делегацией, которая любезно согласилась участвовать в этом заседании. Словом, немцы хотели продолжать переговоры. Кюльман в присущей ему энергичной манере сразу же перешел к делу, предложив нам высказаться по вопросу о том, согласны ли мы считать, что восстановление мира должно по возможности вести и к восстановлению договоров между Германией и Россией⁵.

Выразив согласие на обсуждение отдельных вопросов, в которых заинтересованы обе стороны и к которым неизбежно придется обращаться в случае переговоров о всеобщем демократическом мире, Иоффе заключил: «Восстановление или подготовка к восстановлению народно-правовых отношений может пока произойти лишь постольку, поскольку оно не противоречит нынешним ус-

---

¹ Известия ЦИК. 1917. 14 декабря; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 13.

² См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 13.

³ См. там же.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же. С. 14.

ловиям внутреннего положения в России»¹. С этим очевидным положением Кюльман был согласен, и он предложил следующий метод работы: пункты, по которым стороны договорятся, «зафиксировать предварительной необязательной редакцией»; вопросы, по которым не удастся достичь согласия, временно оставлять и переходить к обсуждению других. Советская делегация не возражала.

В ходе обмена мнениями по этому вопросу четко вырисовывалась линия поведения германской делегации: предлагая разнообразные варианты формулировок и принимая во внимание при этом высказанную Иоффе точку зрения относительно восстановления прежних договоров между двумя странами, Кюльман стремился закрепить состояние прекращения войны между Россией и Германией определенными правовыми формами, добиваясь согласия на этот счет у русской делегации².

Второе направление, по которому в этот день Кюльман добивался ответа от нас, было экономическим. Речь шла о важности восстановления нормальных, как подчеркивала германская делегация, экономических отношений между двумя странами. При этом Кюльман спрашивал Иоффе, не желает ли русская делегация начать обсуждать эту проблему в целом прежде всего с вопроса о восстановлении товарообмена между Россией и Германией³. Немцы, видимо, прощупывали наше отношение к прежнему, невыгодному для России, торговому договору между нашими странами. И получили ответ от Иоффе: мы за то, «чтобы восстановить торговые сношения, но должны заявить заранее, что восстановление последнего торгового договора невозможно»⁴. Иоффе и член делегации Покровский разъяснили Кюльману, что такая наша позиция в отношении старого торгового договора обуславливается новыми условиями, создавшимися в России, а также тем, что организация хозяйства у нас отныне будет происходить в общегосударственном масштабе⁵.

Тогда Кюльман сделал попытку подойти к вопросу о восстановлении торговых связей с другой стороны. Он предложил в этих целях на обсуждение два возможных варианта: или пойти на беспошлинную свободу торговли

---

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 14.

² См. там же. С. 14—18.

³ См. там же. С. 18.

⁴ Там же.

⁵ См. там же. С. 19.

между нами в течение года, или ввести режим «взаимного благоприятствования»¹. Думается, что разоренную Россию оба эти варианта могли бы устроить, но на них нельзя было пойти, не зная и не решая политических вопросов во взаимоотношениях между Германией и Россией. А от их постановки Кюльман пока уходил. И поэтому, отвечая ему, Покровский, например, сказал, что свобода торговли является помехой для развития нашего нового государства, а принцип «взаимного благоприятствования» может иметь место на нашем рынке, если бы на нем действовала не одна страна, а поскольку речь в данном случае идет только о Германии, то и говорить о применении этого принципа не имеет смысла².

Поставил Кюльман и вопрос о законах военного времени, которые вызвали конфискацию имущества враждующих сторон и ликвидацию ряда привилегий, в результате чего были понесены убытки, подлежащие взаимному возмещению. Давая ответ, Покровский говорил: «Окончательное решение этого вопроса может последовать лишь тогда, когда нам будут известны все мероприятия, направленные Германией против России, и когда мы сможем сравнить их с мероприятиями России против Германии. Пока можно только сказать, что подписанием мирного договора аннулируются немедленно все законы военного времени, но подробности подлежат еще обсуждению»³. Выражая согласие с такой постановкой вопроса, Кюльман обещал дать нашей делегации соответствующий обзор действий Германии, нанесших ущерб России, и просил то же самое сделать нас относительно немецкой стороны. Он указал также на важность скорейшего создания комиссии по этому вопросу. Член нашей делегации Каменев здесь заметил (имея в виду прежде всего ущерб, нанесенный войной гражданскому населению), что действие военных законов носит двойкий характер — прямое или косвенное. Например, говорил Каменев, неблагоприятные последствия от общего нарушения всех сторон жизни страны, наносящие ущерб всему населению. Каменев же сказал и о том, что мы согласны с предложением Кюльмана создать комиссию по всем этим проблемам.

Такое «плавное» течение хода работы политической комиссии настраивало германскую делегацию на поста-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 19.

² См. там же.

³ Там же. С. 22.

новку все новых и новых интересовавших ее вопросов. Так, Кюльман захотел узнать отношение русской делегации к проблеме концессий. Во время обмена мнениями выяснилось, что немцев интересовала прежде всего судьба их собственных концессий в России, которые с началом войны были отменены и переданы другим, например американцам¹. Каменев, отвечая, в частности, говорил, что в нынешних условиях, когда Россия преобразовывается на новых принципах построения общественной жизни, сказать что-либо по этому вопросу затруднительно.

Кюльман запрашивал наше мнение о праве собственности на суда, получив ответ Иоффе, что мы в принципе согласны обоюдно возвращать таковые, если в момент объявления войны они находились в портах враждебной стороны². Наша позиция здесь соответствовала общепринятым нормам международного права. Глава германской делегации говорил о взаимном отказе от военной контрибуции и, наоборот, о возмещении убытков, нанесенных войной, другим лицам, и снова не встречал возражений со стороны русских представителей³. Кюльман проявлял повышенную озабоченность относительно освобождения и возвращения на родину после заключения мира всех интернированных и тут же получал согласие на это со стороны Иоффе⁴.

Наконец Кюльман стал говорить о том, что сегодня делегации разобрали много вопросов и поэтому, может быть, следует устроить перерыв с целью отредактировать формулировки тех положений, относительно которых сторонам в принципе удалось достичь согласия⁵. И он тут же поставил вопрос: продолжить ли работу сегодня после перерыва или завтра? Чувствовалось, что видимое внешнее «спокойствие» заседания подходит к концу. Во всяком случае, Иоффе, говоря о возможности перерыва, перевел разговор в сторону политических проблем, о которых на этом заседании еще не было сказано ни слова. Он заявил, что если заниматься редактированием отдельных пунктов, то предпослать им всем необходимо прежде всего общую согласованную формулировку относительно территориальных вопросов мирного договора, которые

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 23—24.

² См. там же. С. 24—25.

³ См. там же. С. 25—26.

⁴ См. там же. С. 26.

⁵ См. там же. С. 27.

самой логикой вещей должны быть вынесены на первое место¹.

Это был уже очень серьезный и принципиально важный, так сказать, пробный шар относительно истинных намерений держав Четверного союза, прежде всего Германии. Кюльман это превосходно понял. Сославшись на то, что все, в том числе и переводчики, уже изрядно устали, он снова поставил вопрос, когда проводить следующее заседание — сегодня или завтра? Мы за то, заявил Иоффе, чтобы продолжить работу сегодня вечером. И тут начался обмен репликами по этому вопросу между Кюльманом, Криге и Иоффе². Если Кюльман вопрошал, когда проводить заседание, то Криге отвечал, что большой объем требующего обработки материала надо сделать до вечера, а поэтому о проведении пленарного заседания раньше завтрашнего дня нечего и думать. Когда Иоффе говорил, что, может быть, закончим редактирование до вечера, а вечером проведем еще одно заседание, в «обсуждение» снова вступал Кюльман, призывая не злоупотреблять ночами, и предлагал собраться еще до обеда. Но ведь редактирование займет много времени, по-прежнему «тянул» свое Криге.

Пришлось вступать в «бой» Каменеву. «Если я правильно понял господина Председателя,— заметил он,— то вопрос о занятых и подлежащих очищению территориях с немецкой стороны уже был решен и оглашен в общей декларации»³. В лоб поставленный вопрос требовал и прямого ответа, и Кюльман сначала предпочел уклониться от него, предложив пока не поднимать этой проблемы, рассмотрение которой может вылиться в целое заседание, а мы к ее обсуждению, как он подчеркнул, не готовы. А когда Каменев вновь обратил внимание Кюльмана на то, что в связи с ответом австро-германского блока на русскую декларацию о принципах всеобщего демократического мира территориальные вопросы на заседании еще не обсуждались, глава немецкой делегации заявил, что якобы «это само собой разумеется», поэтому «никакой обмен мнений на эту тему невозможен»⁴.

Это же было нечто вроде ультиматума. Тем более что Кюльман стал, как говорится, «закругляться»: объявив,

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 27.

² См. там же.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же.

что место и время следующей встречи будет зависеть от хода работы по формулированию согласованных пунктов, он тут же текущее заседание закрыл.

Проблема оккупированных территорий оставалась необсужденной. Надо было до конца выяснять намерения Германии по этому вопросу. И на следующий день, 14 (27) декабря, вновь собралась политическая комиссия в составе русской, германской и австро-венгерской делегаций. Заседание открылось вечером: председательствующий Кюльман предоставил слово Иоффе¹. Подчеркнув, что на предыдущей встрече речь зашла о первом пункте будущего мирного договора, где главным содержанием этого пункта должен стать «вопрос об очищении оккупированных территорий», Иоффе представил заседанию его русский проект. Согласно ему, мы должны были вывести войска из занятых нами районов Австро-Венгрии, Турции и Персии, а страны Четверного союза — из оккупированных ими областей Польши, Литвы, Курляндии и других земель России. Относительно российских земель в проекте подчеркивалось, что «населению этих областей дана будет возможность вполне свободно... решить вопрос о своем присоединении к тому или другому государству или об образовании самостоятельного государства»². При этом в нашем проекте одновременно заявлялось, что «в самоопределяющихся областях недопустимо присутствие каких-либо войск, кроме национальных или местной милиции», что, наконец, до решения вопроса о самоопределении «управление этими областями находится в руках избранных на демократических началах представителей самого местного населения»³. Именно в такой формулировке в целом мы и предложили наш проект первого пункта будущего мирного договора.

В ответ Кюльман от имени Германии и Австро-Венгрии внес свой проект по территориальным вопросам, подчеркнув при этом, что страны австро-германского блока учли, мол, наши пожелания и пошли нам навстречу. В чем же это выражалось? Германия заявляла о своей готовности очистить оккупированные ею территории России, «как только мир будет заключен и демобилизация русской армии закончится»⁴. Более того, из слов Кюльмана явствовало, что население этих областей уже «вы-

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 28.

² Там же. С. 29.

³ Там же.

⁴ Там же.

разило» свою волю, и данные территории вышли из состава России, а поэтому представителям российской делегации остается, следовательно, лишь уважать свой собственный провозглашенный принцип о самоопределении наций¹.

Выслушав заявление Кюльмана по территориальным вопросам, Иоффе заметил, что воля народа может выражаться только при свободном голосовании и при отсутствии на его земле войск из другой страны². Одновременно он сказал, что все технические затруднения, касающиеся проведения референдума относительно самоопределения той или иной нации, сроков эвакуации чужих войск с занятых территорий, то есть вопросы, которые поднимались и самой немецкой стороной, можно решить путем создания специальной комиссии, и в этом, заявил Иоффе, мы согласны с Кюльманом.

Аннексионистские аппетиты германского милитаризма по ходу работы возрастали. Видимо, немецких представителей «усыпляло» спокойное поведение русской делегации, и они все более «раскрывались». Констатировав согласие Иоффе на предмет создания специальной комиссии для рассмотрения различных технических моментов при решении территориальных проблем, Кюльман предложил перейти к другим вопросам. В первую очередь его интересовало отношение государств Антанты к занятым на конференции в Брест-Литовске принципиальным позициям сторон, был ли, как он выразился, «между Петроградским Центральным Правительством и державами Согласия» какой-либо обмен мнениями по этому поводу, и если был, то в какой форме³.

Немцы, конечно, только делали вид, будто им ничего не известно об отношении других воюющих стран к мирным переговорам. Их цель заключалась в другом: подчеркнуть, что Россия, предъявляя свои, как им казалось, «нелепые» требования и действуя в сегодняшнем мире, где партнеров оценивают по их реальной силе, так, словно она представляет из себя некую мощную в политическом, экономическом и военном отношениях державу, выступает фактически одна, без какой-либо поддержки, и

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 29—30; Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 184—186; Никольников Г. Л. Брестский мир и Украина. Киев, 1981. С. 44—45; Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 50—51.

² См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 30.

³ См. там же.

совершенно непонятно, на что, собственно говоря, она может надеяться при своих внутренних и внешних позициях.

Все это нам было понятно, и Иоффе спокойно проинформировал делегации другой стороны, что бывшие союзники России всегда и обо всем уведомлялись относительно переговоров о перемирии и мире, что проходящая сейчас в Брест-Литовске мирная конференция заседает гласно и детали ее работы известны из сообщений печати. Что же касается последних заявлений русской и австро-германской делегаций, в которых изложены их точки зрения на принципы будущего мирного договора, то точными сведениями об отношении других воюющих держав к этим документам мы пока не располагаем.

Получив ответ, Кюльман не успокаивается и тут же ставит другой «каверзный» вопрос: не выведем ли мы свои войска из оккупированных нами районов Лифляндии и Эстляндии, где население, дескать, уже не раз выражало желание свободно и без какого-либо военного давления самостоятельно решить свою судьбу и объединиться со своими соплеменниками¹. Другими словами, Кюльман интересовался возможным присоединением этих территорий к уже оккупированным германскими войсками частям Лифляндии и Эстляндии. Мы готовы сделать это, прозвучал ответ руководителя советской делегации, если, разумеется, при этом будет обеспечен на взаимной основе действительно свободный и демократический порядок волеизъявления народа.

А Кюльман продолжал «выяснять» все новые вопросы, на этот раз уже с помощью генерала Гофмана. Последний, словно спохватившись, что заседание вот-вот закроется, сначала проявил интерес к Финляндии, что означало «в переводе» Кюльмана, в какой стадии находится вопрос о самостоятельности этой территории. Иоффе пришлось напомнить членам германской делегации, что, как явствует из заявления держав Четверного союза на нашу декларацию о принципах будущего мирного договора, «вопросы такого свойства не подлежат международному обсуждению», но тем не менее, отвечая по существу заданного вопроса, мы подтверждаем полное право Финляндии на свободное самоопределение².

Покончив с финляндскими делами, дипломат и генерал стали интересоваться, имеются ли у русской делегации

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 30—31.

² См. там же. С. 32.

сведения о состоянии средств сообщения с Украиной. Если речь идет о пассажирском сообщении, сказал Иоффе, то движение в сторону Украины, равно как между Киевом и Петроградом, и не прерывалось. Вступивший в разговор Гофман объяснил заданный вопрос получением уведомления от Рады, что она «будет считать себя связанной мирными переговорами только тогда, когда в этих переговорах будет участвовать ее делегация»¹. И мне необходимо знать, добавил генерал Гофман, прибудет ли эта делегация, и если да, то каким путем, чтобы иметь возможность заблаговременно подумать об установлении для нее системы телеграфной связи. В словах Гофмана четко просматривалась мысль: немцы будут использовать предательство Радой интересов революционной России в ходе брест-литовских переговоров, они заранее готовы рассматривать ее как самостоятельную государственную силу на мирной конференции.

Вероятно, исчерпав «список» вопросов к русской делегации, на которые немцы хотели бы получить интересующую их информацию, Кюльман с согласия присутствующих через 40 минут закрыл заседание политической комиссии².

А на следующий день, 15 (28) декабря, в полдень политическая комиссия снова собралась на свое заседание в том же составе³. По предложению председательствующего Кюльмана было решено приступить к обсуждению отдельных статей проекта мирного договора. Кюльман построил заседание в форме зачитывания членом германской делегации Криге предлагаемых немецкой стороной статей. Последний начал их чтение с третьей по счету, предупредив, что, по желанию русских представителей, первые две будут касаться вопросов об оккупированных территориях. После того как все статьи с 3 по 16 были зачитаны, Кюльман попросил Иоффе высказать свои замечания. Глава советской делегации сказал, что по ряду вопросов наша позиция уже была здесь на переговорах определена, по другим же мы выскажемся позднее, равно как и оставляем за собой право, подчеркнул Иоффе, вносить в дальнейшем новые предложения и изменения к зачитанному проекту. Заключая, Иоффе заявил, что мы принимаем к сведению этот зачитанный здесь

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 32.

² См. там же. С. 33.

³ См. там же.

проект и считаем в целом содержащиеся в нем предложения «приемлемой основой для дальнейшего рассмотрения тех вопросов, которые затрагиваются статьями 3—16»¹.

Заседание уже подходило к концу, когда с кратким словом выступил граф Чернин, сказавший, что ему необходимо будет проконсультироваться с руководством монархии относительно тех начал, которые должны лечь в основу мирных переговоров. И тут же за получением информации к нам снова обратился Кюльман, пожелавший узнать, намерена ли Россия отказаться от укрепления Аландских островов и присоединятся ли к возможному русско-германскому соглашению по этому вопросу другие страны, например Швеция². Отвечая, Иоффе говорил, что проблема Аландских островов имеет международный характер, но не все страны здесь представлены, что по крайней мере заинтересованные государства, то есть те, кто подписывал этот договор, должны, безусловно, также участвовать в решении проблемы Аландских островов. Что же касается нас, подчеркнул Иоффе, то «новое Российское Правительство в данном случае не имеет никаких агрессивных намерений и не склонно поддаться чьим-либо агрессивным планам»³.

На этом заседание политической комиссии закончилось. Закрывая встречу, Кюльман предложил вечером собраться на пленарное заседание⁴. Оно носило скорее торжественный, так сказать, предотъездовский характер в связи с намечавшимся перерывом в переговорах. Председательствовал глава болгарской делегации Попов. Принятые нами основные положения заключения мира, говорил он, открывают «совершенно новую эру в развитии международного права»⁵. Надо отдать должное представителю Болгарии, который, даже если иметь в виду обычный для таких случаев дипломатический этикет и проявляемую при этом вежливость в отношении всех приглашаемых делегаций, высоко оценил наш вклад в работу мирной конференции. «Человечество должно быть благодарно в первую очередь русской делегации,— говорил Попов,— в лице которой здесь представлены творческий дух и правовое чувство вели-

---

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 37.

² См. там же.

³ Там же. С. 38.

⁴ См. там же.

⁵ Там же.

кого русского народа, и затем мирным делегациям Четверного союза»¹.

Взявший слово Иоффе напомнил, что на предыдущем пленарном заседании мы предложили сделать в работе конференции перерыв и что текущая встреча, видимо, последняя. Выступал и Ибрагим Хакки-паша, указавший на большой объем работы, проделанной всеми участниками переговоров, и сказавший также, что заседавшие сегодня же турецкие и русские представители рассматривали свои двусторонние вопросы и у него создалось впечатление, что они будут благополучно решены. За достигнутые на конференции результаты, говорил Ибрагим Хакки-паша, мы благодарим русскую делегацию, «которая в течение этих тяжелых переговоров обнаружила много прямоты, справедливости и практического смысла», ее члены «доказали, что они настоящие представители демократии и вместе с тем отличные дипломаты и государственные деятели»². Закljučая работу первого периода мирных переговоров в Брест-Литовске, Иоффе подчеркивал: «Во время предстоящего перерыва все мы будем чувствовать, что за нами стоят миллионы страдающих людей, которые жаждут мира. Сознание ответственности перед народами, перед человечеством и перед историей даст нам надежду и внутреннюю силу проложить путь ко всеобщему миру. Мир может и должен наступить в ближайшем будущем. С этой надеждой объявляю заседание закрытым»³. Было 18 часов 40 минут⁴. Шел 51-й день Советской власти.

Первый этап брест-литовских переговоров о мире закончился. Состоялось три пленарных заседания и три заседания политической комиссии при участии делегаций России, Германии и Австро-Венгрии. Велись также переговоры между Россией и Турцией, между Россией и Болгарией⁵. Разными были начало и конец работы этого этапа конференции. Еще до открытия Иоффе официально обращался к генералу Гофману, указывал, что мы будем продолжать заседать в Брест-Литовске, но вместе с тем настаиваем на переносе места конференции в нейтральную страну. Позднее в примечаниях к протоколам брест-литовских мирных переговоров Иоффе напишет,

---

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 39.

² Там же. С. 39—40.

³ Там же. С. 40.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же. С. 242; Известия ЦИК. 1917. 19 декабря.

что по этому вопросу, когда все собрались в Брест-Литовске, имели место частные беседы с Кюльманом и Черниным¹. Последние говорили, что понимают деликатность нашего положения, когда мы ведем переговоры на оккупированной части территории своей собственной страны, что потом они, дескать, готовы переехать на русскую территорию и подписать мир, скажем, в Пскове.

Внешне отношения между делегациями и их представителями выглядели и были вполне дружелюбными. Германия жаждала сепаратного мира, мы боролись за всеобщий демократический.

После того как позиции России и держав Четверного союза были изложены, 9 и 12 (22 и 25) декабря соответственно обнаружилось разные подходы, прежде всего по территориальным вопросам. Мы в их обсуждение, по существу, на заседаниях не вступали, а лишь ограничивались заслушиванием и принятием к сведению. Разумеется, эти позиции были непримиримыми, но намерения стран австро-германского блока до конца еще не были выяснены, как не было ясности в обстоятельствах, до каких пределов и при каких условиях пойдут они в достижении своих целей, возможен ли разумный и удовлетворяющий обе стороны компромисс при решении территориальных вопросов.

Решение встававших проблем, связанных с выходом из войны, отвоеванием Советским государством места на международной арене, осложнялось тем, что процесс становления Советской власти в целом происходил на фоне быстро меняющихся событий, постоянной перегруппировки сил.

Последнее не могло не проявляться и на конференции в Брест-Литовске. Так, при постановке экономических и правовых вопросов представители нашей делегации неоднократно в частных беседах с немцами подчеркивали, что рассматривать эти проблемы до обсуждения территориальных невозможно, а Кюльман их поначалу старательно обходил, стремясь втянуть нас в обсуждение «мелочей»². Но вот в конце первого этапа брест-литовских переговоров в делегации Германии похоже что-то изменилось, в речах ее представителей появились новые нотки, стал проявляться неприкрытый аннексионизм, принцип самоопределения наций трактовался в интере-

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 241.

² См. там же. С. 242.

сах достижения своих целей¹. Иоффе в указанных выше примечаниях писал, что это было вызвано усилившимся на окраинах России, а в этот период особенно на Украине, проявлением шовинизма и национализма².

Эту же мысль высказал и консультант нашей делегации М. Павлович в беседе с корреспондентом печати о ходе брест-литовских переговоров³. Характеризуя поведение германских представителей, он говорил, что «степень их готовности идти на уступки находилась в прямой зависимости от тех сведений, которые получались из России». И в этой связи Павлович «делит» первый период заседаний конференции на два этапа: до и после получения сообщения от Рады о непризнании ею мирного договора, в работе над которым ее делегация не принимает участия. Об этом говорил Гофман на заседании политической комиссии 14 (27) декабря.

По мнению Павловича, этот шаг Рады был неожиданным для нашей делегации, поскольку «все время в переговорах принимал участие» М. Любинский⁴. Представляя интересы Рады, последний наравне с Павловичем, Самойло и Альтфатером своим консультированием помогал обсуждению и решению всех вопросов, встававших перед нашей делегацией. За день до получения известного сообщения от Рады Любинский неожиданно отбыл из Брест-Литовска, мотивируя свой отъезд обстоятельствами частного характера. И вот с получением телеграммы от Рады, подчеркивает Павлович, австро-германская сторона, проявлявшая вначале определенную гибкость и уступчивость, стала как-то сразу несговорчивой, тон ее представителей переменился, ими стали выдвигаться такие соображения и ставиться такие вопросы, в которых просматривались далеко идущие аннексионистские намерения держав Четверного союза. Впечатление от контактов с ними в этот период, подчеркивал в своем интервью Павлович, создавалось такое, что наша гражданская война «страшно мешает успеху переговоров и ослабляет позицию революционной демократии»⁵. Поэтому и телеграмма Рады, указывал он, стала ударом в спину нам.

В целом, думается, прав был руководитель нашей делегации Иоффе, когда также в беседе с представителем

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 242.

² См. там же.

³ См.: Известия ЦИК. 1917. 19 декабря.

⁴ См. там же; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 42.

⁵ Известия ЦИК. 1917. 19 декабря.

печати о значении завершившегося этапа в работе брест-литовской конференции сказал: «Я признаю, что главное значение достигнутого нами успеха заключается в том, что впервые в истории империалистическое правительство, каким является Германское правительство, вынуждено было принять декларацию пролетарского правительства и считаться с ним самым серьезным образом»¹. И, продолжая, он говорил, что нашей победой является и достижение гласности в ведении переговоров, о деталях которых через средства массовой информации люди узнают во всем мире. В этой связи Иоффе, в частности, напомнил об издаваемой нами на немецком языке газете «Факел», распространяемой в больших количествах среди австро-германских солдат².

Итак, в Брест-Литовске наступило временное затишье. Европейские делегаты разъезжались по домам отмечать рождество. Представители русской делегации возвращались в голодный, холодный и беспокойный Петроград: надо было отчитываться перед народом о проделанной работе, намечать дальнейшую линию своего поведения на переговорах.

В Петрограде, как и во всей России, шла своя тревожная жизнь, наполненная заботами о дне насущном и ожиданиями лучших времен. Накануне открытия мирной конференции, 8 декабря, Совнарком рассматривает срочную телеграмму от Крыленко о снабжении армии продовольствием³. На фронте голодно, не хватает теплой одежды, фуража. Однако армия держит позиции, соблюдает условия перемирия⁴. И хотя были отдельные инциденты, но в целом царило спокойствие. На Северном фронте отмечалось братание; из 10-й армии Западного сообщалось, что нарушений условий перемирия не наблюдается, полеты аэропланов не производятся. На фронте 8-й Сибирской стрелковой дивизии проходили в эти дни похороны убитых в прежних боях солдат при участии нижних чинов, офицеров и музыкальных команд с обеих сторон. В сообщении из 11-й армии Юго-Западного фронта говорилось, что для наблюдения за исполнением ус-

---

¹ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 22 декабря.

² См. там же.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 119.

⁴ См.: Революционная ставка. 1917. 8 декабря; Известия ЦИК. 1917. 16 декабря.

ловий перемирия в некоторых частях созданы особые дежурные команды в каждой роте. Словом, фронт стоял без движения, солдаты ждали исхода переговоров в Брест-Литовске, они жаждали мира, хотели как можно скорее вернуться домой, к семьям, к труду.

А в тылу, в который уже раз в эти дни, вновь обостряется вопрос, связанный с созывом Учредительного собрания. Делая ставку на Учредительное собрание, буржуазная, правая и анархистская печать трубила о том, что Советская власть бессильна предотвратить бедствия тысяч рабочих семей, обреченных на голод и холод. «Был обещан мир — но дело с миром почти не подвинулось ни на шаг; был обещан хлеб — и дают полфунта на человека какого-то мякинного месива...» — писал в эти дни один из многочисленных органов анархистов¹.

11 (24) декабря состоялось заседание ЦК РСДРП(б)². В повестке дня один вопрос: о позиции большевистской фракции Учредительного собрания, — поставленный «ввиду того, что во фракции водворились настроения правого крыла и расхождения ее с мнением ЦК». В заседании участвовали Зиновьев, Свердлов, Ленин, Сокольников, Сталин, Бухарин, Урицкий, Троцкий, Дзержинский, Стасова. Суть проблемы заключалась в том, что бюро фракции выступало против линии ЦК в вопросе об Учредительном собрании. Оно рассматривало его как завершающий этап революции и поэтому предлагало отказаться от контроля над созывом Учредительного собрания. В ходе заседания ЦК РСДРП(б) с предложениями выступали Ленин, Зиновьев, Свердлов. Было решено назначить на 12 (25) декабря в 16 часов в Смольном собрание фракции, на котором обсудить доклад ЦК, его тезисы по вопросу о линии партии в отношении Учредительного собрания, переизбрать бюро фракции, поручить вести в ней работу Сокольникову и Бухарину. Выступая на заседании, Ленин подчеркивал: важно напомнить фракции об уставе партии, в котором содержится положение «о подчинении всех представительных учреждений ЦК».

Вечером 11 (24) декабря и в ночь на 12 (25) декабря Ленин работает над «Тезисами об Учредительном собра-

---

¹ Буревестник. 1917. 13 декабря.

² См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Апрель 1917 — февраль 1918. С. 194—195; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 125; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 160, 469.

нии», проектом резолюции о временном бюро большевистской фракции в нем¹. Изложив в «Тезисах» историю вопроса, связанную с Учредительным собранием, требованием его созыва, расстановкой сил до и после победы Октябрьской революции, Ленин подчеркивает: «Группировка классовых сил России в их классовой борьбе складывается, следовательно, на деле, в ноябре и декабре 1917 года принципиально иная, чем та, которая могла найти свое выражение в партийных списках кандидатов в Учредительное собрание половины октября 1917 года»². И далее он указывает, что начавшаяся гражданская война «окончательно обострила классовую борьбу и отняла всякую возможность путем формально-демократическим решить самые острые вопросы, поставленные историей перед народами России и в первую голову перед ее рабочим классом и крестьянством»³. Поэтому лозунг «Вся власть Учредительному собранию» в создавшейся обстановке вступает в противоречие с реальной действительностью, с уже принятыми народными массами решениями и на деле становится «лозунгом кадетов и калединцев и их пособников»⁴. Отсюда понятно, продолжает свою мысль Ленин, что «Учредительное собрание, если бы оно разошлось с Советской властью, было бы неминуемо осуждено на политическую смерть»⁵. В заключение «Тезисов» Ленин, предостерегая от ошибки, «в которую впадают немногие из верхов большевизма», показывает суть этого их заблуждения. «Всякая попытка, прямая или косвенная,— подчеркивает он,— рассматривать вопрос об Учредительном собрании с формально-юридической стороны, в рамках обычной буржуазной демократии, вне учета классовой борьбы и гражданской войны, является изменой делу пролетариата и переходом на точку зрения буржуазии»⁶.

Усматривал ли Ленин в эти дни безболезненное разрешение кризиса, создавшегося «в силу несоответствия» выборов в Учредительное собрание, проходивших тогда, «когда подавляющее большинство народа не могло еще знать» сущности и видеть плоды Октябрьской револю-

---

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 126—127; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 161—166.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 164.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 165.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 166.

ции, «и воли народа», ясно обозначившейся к середине декабря 1917 года? ¹ Да, Ленин считал, что «единственным шансом» выхода из назревавшего кризиса «является возможно более широкое и быстрое осуществление народом права перевыбора членов Учредительного собрания», согласие последнего на эти перевыборы «и безоговорочное заявление Учредительного собрания о признании Советской власти», ее декретов ². Другого пути безболезненного разрешения этой проблемы не было. Вне «шанса», о котором говорил Ленин, кризис мог быть преодолен «только революционным путем, путем наиболее энергичных, быстрых, твердых и решительных революционных мер со стороны Советской власти» против контрреволюции, «какими бы лозунгами и учреждениями (хотя бы и членством в Учредительном собрании) эта контрреволюция ни прикрывалась» ³. Так ставил вопрос Владимир Ильич Ленин относительно судьбы Учредительного собрания. 12 (25) декабря во второй половине дня на заседании большевистской фракции Учредительного собрания он оглашает подготовленные им «Тезисы», которые после длительных прений были единогласно приняты.

Насколько это была серьезная проблема, говорит и тот факт, что в этот же день, 12 (25) декабря, в 21 час под председательством Орджоникидзе открылось заседание Петроградского комитета большевиков ⁴. С докладом о текущем моменте выступил М. С. Урицкий, и в центре его выступления был вопрос об Учредительном собрании. А Урицкий был полностью в курсе о положении дел в этой области: согласно декрету СНК, он являлся комиссаром над «Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссией» ⁵. Урицкий к этому времени уже знал о ленинских «Тезисах», и поэтому, не пересказывая его доклада, остановимся лишь на тех моментах выступления, которые подтверждали опасность кризиса, назревавшего вокруг созыва Учредительного собрания. Так, приводя цифры о партийной принадлежности 388 депутатов, данными о которых Урицкий располагал, он указывал на обозначившуюся расстановку сил в Учредительном собрании, где большевики и

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 166.

² См. там же.

³ Там же.

⁴ См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. С. 371.

⁵ Декреты Октябрьской революции. С. 172.

левые эсеры не составляли и половины общего количества депутатов¹. «Это соотношение,— подчеркивал Урицкий,— не изменится и в дальнейшем»². Он говорил о том, что не оправдал наших надежд Урал, а центральные губернии России, куда дошел советский Декрет о земле, дал, наоборот, большинство голосов на выборах в Учредительное собрание нашей партии. Похоже складывалась обстановка и на фронтах: ближайšie к Петрограду Северный и Западный высказывались в основном за большевиков, а более отдаленные Юго-Западный и Румынский — за эсеров. «Роль, которую играет Учредительное собрание в буржуазной революции,— подчеркивал Урицкий,— пользуется еще большой популярностью в полубуржуазных элементах, хотя они идут с нами. Да и в наших рядах есть товарищи, которые еще не изжили иллюзии относительно Учредительного собрания»³. В этой связи оратор напоминал, что на почве агитации за Учредительное собрание наблюдается брожение и в гарнизоне Петрограда, особенно в тех частях, которые «не упрочились еще на позиции Советской власти»⁴. Создавшаяся обстановка свидетельствует о том, подчеркивал Урицкий, что «в данный момент вопрос об Учредительном собрании является тем боевым пунктом, вокруг которого нам хотят дать генеральное сражение, и мы вокруг него хотим дать тоже сражение»⁵. Словом, имевшие место иллюзии относительно Учредительного собрания в широких кругах России, особенно в ее отдаленных от центра районах, обуславливали и выжидательную пока тактику нашей партии.

Не наблюдалось никаких благоприятных для Советской власти сдвигов и во внешнем плане, где правящие круги стран Антанты все теснее смыкались в своих действиях с российской внутренней контрреволюцией. На Дону, в Закавказье, на Украине действовали военные миссии наших бывших союзников. В день открытия мирной конференции в Брест-Литовске, 9 (22) декабря, в Париже начали заседать высшие военные руководители Антанты, где заправляли Англия и Франция⁶. В этот день

---

¹ См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. С. 372.

² Там же.

³ Там же. С. 373.

⁴ Там же. С. 374.

⁵ Там же.

⁶ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 52.

мы огласили в Брест-Литовске основу для ведения переговоров о всеобщем демократическом мире. А на следующий день, 10 (23) декабря, по инициативе французского премьера Клемансо подписывается секретная англо-французская конвенция о разделе сфер действия в России: зона Франции — Украина, Бессарабия и Крым; зона Англии — Кавказ, казачьи территории Кубани и Дона¹. «Подразумевается, — подчеркивалось в этом документе, — что США примут участие в этих действиях»². Еще день спустя, 11 (24) декабря, Англия и Франция договариваются об оказании военной помощи всем контрреволюционным силам России³. По свидетельству Ллойд Джорджа, это соглашение было ответом на предложение большевиков о мире⁴. Антанта не желала иметь дело с Советами. «Когда Россия будет иметь правительство, признанное всеми народами, — заявил 14 (27) декабря в палате депутатов французский министр иностранных дел С. Пишон, — Франция будет готова рассматривать с ним цели войны и условия справедливого и длительного мира»⁵.

В поведении правящих кругов стран Антанты по отношению к Советской России надо обратить внимание на одну немаловажную деталь. Наши союзники после свершения в России социалистической революции не раз заявляли о своих «дружественных» чувствах по отношению к русскому народу, о том, что они «понимают» его положение, отягченное разорительной войной. И вместе с тем они же начали и «делить» Россию, и разрабатывать планы ликвидации власти Советов до того, как державы австро-германского блока предъявили нам грабительские условия мира. Здесь, пожалуй, более уместно будет говорить о том, что наши «союзники» просто-напросто выдавали нас державам Четверного союза. Не случайно в эти же дни, когда в Брест-Литовске участвующими в переговорах сторонами были представлены свои программы мира, Ллойд Джордж заявлял, что об общем мире можно будет поведи разговор лишь после того, как Россия определит свою будущую границу с Германией и Ав-

¹ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 52; *Прицкер Д. П.* Клемансо Жорж. Политическая биография. М., 1983. С. 215; *Кунина А. Е.* Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. М., 1951. С. 45.

² Там же.

³ См.: *Джордж Ллойд Д.* Военные мемуары. М., 1937. Т. 6. С. 85.

⁴ См. там же. С. 93.

⁵ *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 52—53.

стро-Венгрией¹. Это была недвусмысленная подсказка австро-германскому блоку на предмет того, что он мог бы сговориться с державами Антанты за счет удовлетворения своих территориальных и иных претензий на востоке.

Своеобразную линию по отношению к мирным переговорам начинали в этот период занимать враждебные большевикам различные политические партии и группы страны. Учитывая настроения масс, они, конечно, не могли выступать против мира, за продолжение войны. Все труднее становилось им обвинять большевиков и в сепаратном сговоре с германским кайзером, поскольку Советская власть многократно обращалась к бывшим союзникам России с предложением присоединиться к переговорам о мире, на что постоянно не получала никакого ответа. Им оставалось возлагать надежду на Учредительное собрание, на поддержку внешних сил, на то, наконец, что большевики не устоят в разгоравшейся гражданской войне.

Между тем внешнеполитический курс Советской власти, большевиков обретал все более широкую поддержку масс. 13 декабря Петроградский Совет, заслушав доклад Зиновьева, принял резолюцию, одобрявшую деятельность нашей делегации в Брест-Литовске и мирную политику, проводимую Совнаркомом². 14 декабря Крыленко издает приказ по армии, в котором извещает все фронты о согласии немцев в принципе вести переговоры о всеобщем демократическом мире на предложенных нами условиях³. Объясняя причину перерыва, Крыленко подчеркивал: «Товарищи, не боязнь и страх перед союзными правительствами Англии и Франции заставляют нас так делать. Русская революция обязана приложить все усилия, чтобы все народы получили мир»⁴. Обращаясь к солдатам, главковерх Крыленко конечно же знал, что они держат свои позиции до тех пор, пока идут обнадеживающие переговоры о мире в Брест-Литовске. И солдаты держали фронт верой в Советскую власть, которая в свою очередь полностью полагалась на солдат революции. Этого равновесия нарушать было нельзя.

---

¹ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 54.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 14 и 15 декабря.

³ См. там же. 15 декабря; Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 15 декабря.

⁴ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 15 декабря.

Поздно вечером 14 декабря Ленин участвует в заседании ВЦИК, на котором, в частности, обсуждался и вопрос о ходе мирных переговоров в Брест-Литовске¹. Докладывал Троцкий. Он говорил, что в переговорах мы стоим на почве наших принципов и не намерены от них отходить, что такая политика воздействует на трудящихся мира. «И есть уже симптомы,— продолжал Троцкий,— что наша тактика, тактика, пробуждения международной солидарности пролетариата уже оказывает на него большое влияние»².

От имени левых эсеров Штейнберг предложил резолюцию о необходимости решительных мер по подъему революционного движения пролетариата Западной Европы, которая была принята единогласно при одном воздержавшемся³. Чувствовалось, что идея определяющего воздействия международного пролетариата на судьбы русской революции все более захватывала различные политические силы страны, широкие массы, значительные круги большевиков. Вместе с тем все партии в целом благожелательно приняли известие о согласии немцев вести переговоры о мире на предложенных нами условиях. Зиновьев даже предложил отметить достигнутый на переговорах в Брест-Литовске успех грандиозной мирной демонстрацией в Петрограде и в других городах России, назначив ее на воскресенье 17 (30) декабря⁴. Предложение было принято единогласно⁵.

На заседании выступил Крыленко, рассказавший о положении с продовольствием на фронтах. В своем сообщении он подчеркивал, что «закрытие путей у Челябинска и через Украину грозит нашим армиям полным голодом»⁶. Крыленко с негодованием говорил о предательской политике Рады в отношении державших позиции солдат Северного, Юго-Западного и Румынского фронтов. Так, он указывал, что на Юго-Западном фронте «политика Петлюры повела к полной дезорганизации фронта, к самовольному уходу частей, загрузивших железные дороги и приостановивших подвоз продовольствия», что три расположенные здесь армии фактически

---

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 133.

² Известия ЦИК. 1917. 16 декабря.

³ См. там же. 16 и 17 декабря.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же. 17 декабря.

⁶ Там же.

берутся Петлюрой измором¹. ВЦИК при двух голосах против одобрил политику Совнаркома в отношении Центральной Рады².

15 (28) декабря в Петроград прибыла немецкая делегация для работы в смешанной комиссии по урегулированию вопроса об обмене гражданских пленнх и военнопленных инвалидов, а также для принятия мер к восстановлению культурных и хозяйственных отношений между заключившими перемирие странами³. Немецкую делегацию возглавлял граф В. Мирбах, с нашей стороны аналогичную делегацию первоначально возглавил К. Радек⁴. В день прибытия глава немецкой делегации был принят Лениным, который в ходе беседы с Мирбахом говорил о желательности перенесения мирной конференции из Брест-Литовска в Стокгольм или в другую нейтральную страну⁵.

15 (28) декабря в Петрограде открылся общеармейский съезд по демобилизации армии⁶. Среди его делегатов большинство составляли большевики и левые эсеры, было также немало меньшевиков и правых эсеров. В начавшуюся стихийную демобилизацию армии съезд должен был внести определенную организованность, а также обсудить вопрос о создании новой армии — армии социалистического государства. «Сейчас вопрос стоит круто,— подчеркивал на съезде руководитель специально созданного при Ставке главковерха отдела по демобилизации М. С. Кедров.— Армия похожа на тяжело раненного человека, и необходимо немедленно провести ряд героических мер. Недавно прибыл делегат от 10-й армии, который заявил, что если не будут приняты решительные безотлагательные меры, то наступит полный крах и окончательный развал армии»⁷. В этот же день на съезде выступил и Крыленко, который, говоря о действиях контрреволюционных сил, указывал, что они умышленно разлагают армию, способствуют развалу всего и вся. Крыленко заявлял: «Мы живем в период обострения

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 17 декабря.

² См. там же. 16 декабря.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 135; Известия ЦИК. 1917. 19 декабря.

⁴ См. там же; Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 20 декабря.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 135.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 472—473.

⁷ Известия ЦИК. 1917. 17 декабря.

гражданской войны. В то время, когда на фронте уже больше не грохочут пушки, не свистят пули и изнуренные люди вылезли наконец из темных, грязных землянок,— в это время там, где не было никогда ни окопов, ни колючей проволоки, наши враги, объявив войну революции, тормозят великое дело мира и совершают поступки, которым нет названия на языке честных борцов»¹.

Ленин был постоянно в курсе дел на фронте, поскольку знакомился с суточными информационными сводками Наркомвоена². Знал он также и то, что несколько улучшились дела на Украине, где Всеукраинский ЦИК образовал в Харькове рабоче-крестьянскую Раду — украинское правительство. В обращении к трудящимся Украины ВУЦИК подчеркивал, что «войны между Украиной и Россией быть не может, что этой войны желала только Центральная Рада, а не украинские трудящиеся массы»³. Об этом же говорилось и в его телеграмме на имя Совнаркома⁴. 16 декабря в приветствии «рабочей и крестьянской Раде» Совнарком заявлял, что он видит в ней истинно народную Советскую власть на Украине и «обещает новому правительству братской Республики полную и всемерную поддержку в деле борьбы за мир, а также в деле передачи всех земель, фабрик, заводов и банков трудящемуся народу Украины»⁵. Провозглашение Советской власти на Украине было серьезным подспорьем для российской революции в ее борьбе за мир, вызвало определенные надежды на благоприятный исход брест-литовских мирных переговоров.

17 (30) декабря печать публикует обращение НКВД к народам и правительствам союзных стран, по поручению СНК подписанное Троцким⁶. Изложив причину перерыва в переговорах и охарактеризовав представленные в Брест-Литовске две программы их ведения — русскую и стран Четверного союза, обращение подчеркивало, что «правительства союзных народов до сих пор не примкнули к мирным переговорам по причинам, от точной формулировки которых они упорно уклонялись»⁷. Мы отда-

¹ Известия ЦИК. 1917. 17 декабря.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 136.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 63.

⁴ См. там же. С. 65.

⁵ Декреты Октябрьской революции. С. 327.

⁶ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 67—70.

⁷ Там же. С. 68.

вали себе отчет в том, что Антанта думает не о мире, а о разгроме Германии. Это, естественно, ухудшало положение Советской власти в ее борьбе за мир, оставляло нас один на один с державами Четверного союза. В этой связи в обращении говорилось: «Теперь, после предъявления противной стороной условий мира, нельзя отделяться общими фразами о необходимости доведения войны до конца. Нужно ясно и точно сказать, какова мирная программа Франции, Италии, Великобритании, Соединенных Штатов»¹. Но союзные правительства, отмечалось далее в обращении, не проявляют «готовности идти на действительно демократический мир»².

В обращении вновь подтверждалась неизменная позиция Советской власти покончить с войной. «Россия не связывает себя в этих переговорах согласием союзных правительств,— подчеркивалось в нем.— Если бы эти последние продолжали саботировать дело всеобщего мира, русская делегация все равно явится для продолжения переговоров. Сепаратный мир, подписанный Россией, нанес бы несомненно тяжелый удар союзным странам, прежде всего Франции и Италии. Но предвидение неизбежных последствий сепаратного мира должно определять политику не только России, но и Франции, Италии и других воюющих стран. Советская власть до сих пор всеми мерами боролась за всеобщий мир. Никто не может отрицать значительности достигнутых на этом пути результатов. Но в дальнейшем все зависит от самих союзных народов»³.

Что касается нашего народа, то он твердо брал судьбу страны в свои руки. В день опубликования в печати этого обращения, а это было воскресенье, в Петрограде проходила манифестация в поддержку мирной политики Советской власти, проводимой ею в Брест-Литовске. Рабочие, солдаты, широкие народные массы шестью колоннами с разных концов Петрограда с утра начали марш к Марсову полю⁴. Там, где они шли, движение трамваев было приостановлено. С транспарантами и лозунгами манифестанты строго по расписанию проходили через Марсово поле. В их рядах под лозунгами пролетарской революции шли военнопленные австрийцы и немцы. В де-

---

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 68.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 70.

⁴ См.: Армия и флот рабочих и крестьянской России. 1917. 17 декабря; Известия ЦИК. 1917. 19 декабря.

монстрации участвовали воинские части. Газета «Правда» писала, что 17 декабря стал днем «единодушия, свежести и мощности революционного энтузиазма в массах»¹.

И хотя 17 декабря было воскресенье, много дел пришлось решать в этот день Владимиру Ильичу, в том числе и касающихся мирных переговоров в Брест-Литовске. Ленин принимает делегацию общеармейского съезда по демобилизации², говорит ей, что не может выступить на съезде с докладом, который включен в повестку дня без его согласия. Однако соглашается с доводами о крайней желательности его встречи с делегатами и обещает на узком совещании побеседовать с ними. А уже через некоторое время Ленин председательствует на заседании Совнаркома, где, в частности, обсуждается и доклад советской делегации о ходе переговоров в Брест-Литовске³. На заседании было решено «предложить мирной делегации в спешном порядке представить в Совнарком точный текст немецких условий мира»⁴.

Во второй половине дня Ленин, как и обещал посетившим его делегатам общеармейского съезда по демобилизации, приехал в Наркомвоен⁵. Здесь происходило совещание представителей армий и фронтов из числа делегатов. Присутствовали также руководящие работники и военные эксперты Наркомвоена. Всего было 30—40 человек⁶. Ленин проинформировал участников совещания о только что сделанном нашей мирной делегацией докладе в Совнаркоме, рассказал о ходе переговоров в Брест-Литовске. Вместе с тем Владимир Ильич высказал пожелание, чтобы представители фронтов охарактеризовали состояние армии. Слушая их выступления, Ленин составляет для делегатов съезда 10 вопросов и просит дать на них письменные ответы⁷.

О чем шла речь в этих ленинских вопросах? Что хотел знать Ленин? Думается, что на этом необходимо

---

¹ Правда. 1918. 1 января (1917. 19 декабря).

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 138.

³ См. там же. С. 138—139.

⁴ Чубарьян А. О. Брестский мир. М., 1964. С. 106.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 139.

⁶ См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969. Т. 3. С. 143—144.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 179—180, 472.

остановиться более подробно. Мирные переговоры, развитие событий внутри страны, внешнеполитические обстоятельства — все это сплеталось в острейший драматический клубок, где происходящее в Брест-Литовске начало приобретать определяющее значение для судеб революции. Но оценка «происходящего» в Брест-Литовске и возможных результатов переговоров там становилась все более неоднозначной, сталкивались прямо противоположные взгляды и мнения.

Итак, на чем заострял внимание Ленин в своих вопросах делегатам со всех фронтов, из всех армий, державших позиции на этом фронте от Балтийского до Черного морей, что Ленин хотел знать? Состояние армии, во-первых. Ее способность воевать, во-вторых. Об этом Владимир Ильич хотел иметь четкое представление, ибо на «военном вопросе» завязывались в данном случае перво-степенные политические, экономические, стратегические проблемы нашей революции, перспективы ее развития.

Какова возможность немецкого наступления в ближайшем будущем, если иметь в виду физическое и техническое состояние армии противника в условиях зимы, настроение германских солдат? Может ли это последнее обстоятельство «помешать наступлению или хотя бы задержать его»?

Что будет, если мы немедленно разрываем мирные переговоры, а немцы сразу же переходят в наступление? Могут ли они в этом случае нанести решающее поражение нам и «взять Петроград»?

Как поведет себя наша армия, когда получит «известие о срыве мирных переговоров»? Вызовет ли это в ней «массовое анархическое настроение и побег с фронта», или мы можем быть уверены, что она после получения этого известия «будет стойко держать фронт»?

Сумеем ли мы «в боевом отношении противостоять» немцам, если 1 января они начнут наступать? «Если нет», то «какой срок» нужен нам, чтобы армия была в состоянии «оказать сопротивление немецкому наступлению»?

Здесь мы позволим себе небольшое отступление. Почему Ленин называет датой возможного немецкого наступления 1 января? Речь идет о старом стиле. Напомним читателям, что по условиям договора о перемирии «договаривающиеся стороны имеют право, начиная с 21-го дня перемирия, отказаться от него с предупреждением о том за 7 дней до возобновления военных действий; если отказа не последует, то перемирие автома-

тически продолжается, пока одна из сторон не откажется от него с предупреждением за 7 дней»¹. Надо полагать, что Ленин как бы «прокручивал» вариант, когда нам из-за неприемлемых аннексионистских требований Германии пришлось бы прервать переговоры, которые должны были возобновиться 25 декабря. А этот день был, во-первых, 21-м после начала перемирия, а во-вторых, до 1 января оставалось бы как раз 7 дней. Словом, обстановка, если употреблять ленинское выражение, была «архисерьезная».

Но продолжим рассмотрение ленинских вопросов. Может ли наша армия при быстром немецком наступлении «отступить в порядке», сохраняя артиллерию? Надолго ли в благоприятном случае удалось бы «задержать продвижение немцев в глубь России»?

И здесь Ленин, как бы подведя спрашиваемого к определенному итогу, ставит чрезвычайной ответственности вопрос. Исходя из состояния нашей армии, что следовало бы нам сделать: «постараться затянуть мирные переговоры» или пойти на «революционно резкий и немедленный» их срыв «из-за аннексионизма немцев», демонстрируя тем самым «решительный твердый переход, подготавливающий почву для возможности революционной войны»?

Своего рода продолжением этого вопроса был следующий: надо ли нам немедленно переходить «к усиленной агитации против аннексионизма немцев и к агитации за революционную войну»?

Далее Ленин спрашивает: возможно ли, например, за 5—10 дней путем опроса «широких частей действующей армии» получить более «полные ответы» на поставленные вопросы?

Ленина весьма интересует при этом обстановка на Украине, и он хочет знать, как поведут себя «украинцы», узнав «об аннексионизме немцев»? Ослабнет ли в этом случае у нас «рознь с украинцами или даже сменится дружным сплочением сил», или, наоборот, они «воспользуются более трудным положением великорусов», чтобы усилить свою борьбу против них?

И заключает Ленин прямым вопросом к армии. Если бы последняя получила сейчас возможность «голосовать», за что бы армия высказалась: за немедленный мир, даже зная, что он приведет к потере всех занятых немцами

---

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 47.

территорий и крайне трудным для России экономическим условиям, «или за крайнее напряжение сил для революционной войны, т. е. за отпор немцам»?

Таковы были вопросы, предложенные Лениным представителям армий и фронтов из числа делегатов общеармейского съезда по демобилизации армии, которые 17 (30) декабря присутствовали на совещании в Наркомвоене.

18 (31) декабря Ленин знакомится с присланными в Совнарком ответами делегатов на вопросы разработанной им анкеты. Они были удручающими с точки зрения боеспособности нашей армии: подавляющее большинство делегатов-фронтовиков отвечали, что армия воевать не в состоянии. М. С. Кедров впоследствии вспоминал, что только в единичных анкетах говорилось о боеспособности отдельных воинских частей, в большинстве же случаев речь шла о почти полном развале фронтов, массовом дезертирстве¹. «Вопрос становился яснее ясного,— писал Кедров.— Реальной боевой силы у нас нет, фронт открыт, воевать мы не можем, мир необходим во что бы то ни стало, любой, даже самый «похабный»².

Ленин знал, что солдаты на фронте готовы идти на большие жертвы во имя достижения мира, готовы ждать этого мира, о котором шли переговоры в Брест-Литовске и которые вселяли надежду в их сердца на скорое прекращение войны. Но он отдавал себе отчет и в другом: это ожидание мира измученными войной солдатами не могло быть беспредельным. И здесь было важно не перегнуть, как говорится, палку, не перейти ту черту, за которой могло последовать непредсказуемое.

В этот день, 18 (31) декабря, Ленин во второй половине дня председательствует на заседании Совнаркома, на котором среди прочих вопросов вновь обсуждалось положение на фронте и состояние армии³. Докладывал Крыленко. При этом он опирался на те материалы, которые дали делегаты общеармейского съезда по демобилизации армии, отвечая на вопросы ленинской анкеты. Их ответы говорили о том, что армия в значительной степени небоеспособна, что в случае возобновления военных действий линию фронта удержать будет невозможно,

---

¹ См.: *Никольников Г. Л.* Победа ленинской стратегии и тактики по вопросам войны, мира и революции. С. 121.

² См.: *Кедров М.* Из красной тетради об Ильиче. М., 1957. С. 21.

³ См.: *Владимир Ильич Ленин.* Биографическая хроника. Т. 5. С. 142.

что солдаты вообще против продолжения войны, что они уже с очень большим трудом ждут официального мира. Но было очевидным также, что и прекращать переговоры нельзя, ибо одно только известие об этом, которое фактически будет означать возобновление состояния войны, приведет армию к окончательному развалу. Поэтому нельзя было в таких условиях ставить и вопрос о немедленной «революционной» войне. Словом, это был какой-то заколдованный круг, выход из которого в пользу Советской власти пока не просматривался. Ввиду разложения русской армии надо было немедленно подписывать мир, а германские условия его были явно неприемлемыми. Оставалось одно — насколько это возможно, затягивать переговоры, стараясь выиграть время для укрепления своих позиций.

И Ленин по докладу Крыленко пишет проект резолюции, которая принимается Совнаркомом. «Результаты анкеты признать исчерпывающими вопрос о состоянии армии, — постановило правительство, — и принять резолюцию, предложенную В. И. Лениным»¹. Было решено ее не публиковать. В резолюции предлагалось проводить усиленную агитацию против аннексионизма немцев, и в этой связи говорилось об ассигновании на эти цели дополнительных средств. В ней ставился также вопрос о перенесении мирных переговоров в Стокгольм. Советской делегации давалась установка на затягивание мирных переговоров — «продолжать мирные переговоры и противодействовать их форсированию немцами»². В случае успеха этой тактики можно было использовать время перемирия для проведения важнейших преобразований в экономической и политической жизни страны, с трибуны переговоров открыто пропагандировать принципы Советской власти, ее внутренней и внешней политики, осуществлять революционизирующее влияние на трудящихся мира, способствовать росту сочувствия и симпатий к Советской стране. Время перемирия предполагалось использовать и для принятия важных мер на случай германского наступления: резолюция говорила об усилении работы по реорганизации армии, организации обороны Петрограда, а также о пропагандистской и агитационной работе, подготавливающей необходимость ведения революционной войны.

¹ Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 106; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 181.

² Там же.

В этот же день, 18 декабря, в Петрограде в соответствии с достигнутыми в Брест-Литовске договоренностями начала свою работу смешанная комиссия по вопросам улучшения положения военнопленных и обмена гражданских пленнх и инвалидов¹. С нашей стороны делегацию возглавлял А. И. Доливо-Добровольский, граф Мирбах и фон Гемпель были председателями германской и австрийской делегаций соответственно. На первом же пленарном заседании Доливо-Добровольский подчеркнул, что работа комиссии носит не политический, а технический характер. Он предложил поочередное председательствование на заседаниях. С заявлениями перед началом работы выступили также Мирбах и фон Гемпель. Затем слово взял К. Радек, который говорил об арестах в Германии борцов за мир, их заключении в тюрьмы, о лишении свободы польского социал-демократа Мархлевского и латышского социал-демократа Данишевского. Радек, указывая, что такого рода факты затрудняют возможность достичь успехов в работе смешанной комиссии, выразил надежду, что «делегация доведет до сведения Германского правительства о том отрицательном впечатлении, которое неизбежно производят эти мероприятия на русских революционных рабочих, солдат и крестьян». Возражая, Мирбах подчеркивал, что заседания смешанной комиссии носят технический характер, к тому же, как он говорил, германская делегация не располагает какими-либо сведениями на этот счет. По предложению Мирбаха и фон Гемпеля были созданы две комиссии: по делам пленнх, гражданских и военных, и по культурно-экономическим вопросам. Советская делегация предложила проводить заседания в помещении Наркомата по иностранным делам. Договорились, что очередное заседание состоится 19 декабря (1 января 1918 года). В заседании следующего дня мы поставили вопрос об облегчении почтовых связей с военнопленными, обмене официальными известиями, подготовке плана перевозки гражданских пленнх, то есть повели речь о тех вопросах, ради которых и была, собственно говоря, создана эта смешанная комиссия². В свою очередь представители Германии и Австро-Венгрии выдвинули предложение о создании комиссии по вопросам изучения возможностей,

¹ См.: Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 20 декабря; Известия ЦИК. 1917. 20 декабря.

² См.: Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 22 декабря.

связанных с торговым обменом, на что последовало возражение Радека, подчеркнувшего, что о налаживании хозяйственных связей пока не может быть речи и надо продолжать заниматься проблемами облегчения положения пленных, как военных, так и гражданских¹. Словом, смешанная комиссия втягивалась в работу.

19 декабря состоялось объединенное заседание ВЦИК, Петроградского Совета и всеармейского съезда по демобилизации армии. Делегаты последнего были приглашены на это заседание по специальному указанию Ленина². Кворум собрался очень внушительный: 350 человек от ВЦИК, 600 — от Петроградского Совета и 300 — от всеармейского съезда³. Важным был и вопрос: доклад советской делегации о ходе мирной конференции в Брест-Литовске, с которым выступил Каменев. Затем начали выступать делегаты всеармейского съезда⁴. Ленин, присутствовавший на этой части собрания после того, как он провел заседание Совнаркома, внимательно слушал представителей армий и фронтов⁵. Все они поддерживали мирную политику Советской власти, хотя и подчеркивали в то же время очень тяжелое положение с продовольствием на фронте, просили тыл помочь окопникам с подвозом хлеба, а также сменить на позициях усталые и небоеспособные части.

Так, представитель 1-й армии Беленький говорил, что, «несмотря на крайне тяжелые условия, в которых находится 1-я армия, она, если это потребует, до конца постоит за дело международного социализма» и вне зависимости от того, как сложатся переговоры о мире, «всегда готова всей своей мощью поддержать борьбу Советской власти с империалистами всех стран за освобождение всех народов»⁶. Мы «наших боевых постов не покинем, но мы потребуем материальной поддержки», говорил делегат с Ревельского фронта Тонстантьев, а Быков, представлявший 11-ю армию, заявлял, что она «не дрог-

¹ См.: Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 22 декабря.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 143—144.

³ См.: Известия ЦИК. 1917. 20 декабря; Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 21 декабря.

⁴ См. там же. 1917. 22 декабря; Известия ЦИК. 1917. 21 декабря.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 146, 145.

⁶ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 22 декабря.

нет, если перед ней встанет опасность нападения, продиктованного интересами империалистов германской коалиции»¹. В свою очередь делегат Особой армии Громан в своем выступлении подчеркивал: «...армия окажет решительное сопротивление всем тем препятствиям, которые встанут на пути борьбы за мир, откуда бы эти препятствия ни исходили. Особая армия верит Советской власти и поддерживает ее»². Говоривший от Западного фронта делегат Калего заявлял, что если германцы поставят нас перед необходимостью продолжать войну, то у нас «найдутся еще силы для борьбы и с немецкими империалистами, и с отечественными саботажниками»³. От русского флота выступал Баранов, заверивший собрание, что флот будет до конца стоять за революцию. С таким же революционным порывом выступали и делегаты других армий и фронтов.

И хотя представитель Петросовета Кашкаров, имея в виду отряды революционной Красной гвардии, говорил, что тыл поможет фронту и продовольствием, и заменой уставших частей, и сохранением порядка в стране, но это был, если смотреть правде тех дней в глаза, все тот же революционный энтузиазм, мало, к сожалению, подкрепляемый пока достаточными материальными средствами. В конце 1917 года Советская власть фактически располагала очень незначительной военной силой, на боеспособность которой она могла твердо рассчитывать. Это были лишь отряды Красной гвардии, некоторые боеспособные старые части латышских стрелков, отдельные сибирские полки и отряды революционных моряков — всего общей численностью около 60 тысяч человек⁴. Конечно же, противостоять в случае разрыва переговоров в Брест-Литовске немецкому наступлению они не могли, их роль была в другом — этими силами велась борьба с внутренней контрреволюцией, которую Советская власть сдерживала с трудом.

После того как делегаты рассказали присутствующим о положении на своих фронтах и в своих армиях, начали выступать представители фракций. Первым выступил представитель объединенных интернационалистов Мои-

---

¹ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 22 декабря.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Котович В. Политика партии в период Бреста. Л., 1934. С. 10—11.

сеев. Указав на необходимость помощи со стороны западноевропейского пролетариата в борьбе России за всеобщий демократический мир, оратор призывал с этой целью к воздействию всеми возможными средствами на зарубежную демократию¹. От левых эсеров слово взял Камков. Подчеркивая, что германским империалистам вряд ли удастся с такой же легкостью, как раньше, повести войска против русской революции, и поддерживая действия нашей делегации в Брест-Литовске, не пошедшей на компромиссные сделки с кайзером, он говорил: «Наша сила не штыковая, мы опираемся на силу тех наших лозунгов, которые отрывают союзную демократию от французских и английских империалистов и ставят ее рядом с русским крестьянством. Мы настойчивы потому, что сила русской революции — сочувствие трудящихся масс Европы — это слабость германского империализма»².

От фракции большевиков выступал Троцкий. Довольно уверенно он говорил, в частности, о том, что «дальше наши переговоры будут вестись в нейтральной стране», призывая окопников продержаться еще немного. Революционный дух, царивший на этом объединенном заседании, захватывал всех. Не обошел он и такого крупного оратора, каковым был Троцкий, умевший великолепно улавливать настроение аудитории. «Мы верим, — говорил Троцкий, — что окончательно будем договариваться с Карлом Либкнехтом, и тогда мы вместе с народами мира перекроим карту Европы для полного самоопределения народов, для окончательного уничтожения гнета на земле»³. «Громким» и пока с непонятным подтекстом выглядел и брошенный им в зал призыв ввести во всей стране «революционную дисциплину рабочих над верхами»⁴.

Итоги обсуждения доклада советской делегации о ходе мирной конференции в Брест-Литовске подводил Каменев, выступивший с заключительным словом. Он, в частности, еще раз подтвердил позицию советской стороны по вопросу обмена военнопленными, подчеркнув невозможность его решения до подписания мира. В противном случае, говорил Каменев, в Германию возврати-

---

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 21 декабря.

² Там же; Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 22 декабря.

³ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 22 декабря.

⁴ Там же.

лось бы «несколько миллионов здоровых воинов», которых она могла бы использовать «для отправки на французский и на другие фронты, что для нас, конечно, недопустимо»¹. Отвечая на вопрос, когда будет заключен мир, Каменев заявил: «...никто не в состоянии указать, хотя бы приблизительно, срок, ибо все зависит от того, как сложатся международные отношения в ходе мирных переговоров, в частности, от того, какую позицию займут Франция, Англия и др.»².

Принятая объединенным заседанием резолюция подробно излагала позиции сторон на переговорах в Брест-Литовске, поручала Совнаркому принять меры для их перенесения в нейтральную страну, содержала обращение к народам Германии и остальным державам Четверного союза не допустить войны против России ради порабощения Польши, Эстляндии и других территорий, призывала народы стран Антанты добиваться от своих правительств присоединения к переговорам на основе изложенных нами принципов заключения всеобщего демократического мира³. Осуществить пожелание резолюции относительно более весомого вклада народов других воюющих государств в борьбу за мир было, конечно, практически невозможно, и в целом все это решение носило, думается, характер информирования общественности всех стран о ходе брест-литовских переговоров. Во всяком случае, газета «Правда» писала: «Надо признать, что программа мира нашей революции усвоена до конца пока лишь меньшинством сознательного пролетариата Запада»⁴.

19 декабря Ленин проводил очередное заседание Совнаркома. Среди обсуждавшихся вопросов заслушивали и сообщение П. Прошьяна о его поездке в качестве делегата от крестьянского съезда в Киев и переговорах с представителями Рады Винниченко, Грушевским, Поршем и другими⁵. Намечались возможности контактов с Радой, Советская власть была готова пойти на соглашение с ней, дабы не доводить дело до войны; в этом духе СНК принял подготовленную Лениным резолюцию, которую, после переговоров по этому вопросу по прямому

¹ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 22 декабря.

² Известия ЦИК. 1917. 21 декабря.

³ См. там же. 20 декабря.

⁴ Правда. 1918. 3 января (1917. 21 декабря).

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 145—146, 147—149; Декреты Октябрьской революции. С. 352—354

проводу с ВУЦИК, 21 декабря опубликовала печать¹. Это было немаловажным подспорьем для Советской власти накануне начала нового этапа в брест-литовских переговорах, разумеется в том случае, если бы события по этому вопросу и дальше развивались в таком же благоприятном направлении. Но, к сожалению, чаша весов во взаимоотношениях между Советской Россией и Центральной Радой все время колебалась. Например, в тот же день за подписью А. Мясникова, заменявшего Крыленко в его отсутствие в Ставке, там был издан приказ, обращенный к нашим армиям Юго-Западного и Румынского фронтов в связи с распоряжением Петлюры об увольнении на 3 месяца всех солдат великороссов². Призывая не искушаться этим приказом, Ставка обращалась к солдатам: «Вы, как сознательные сыны освободившейся страны, обязаны и должны поддерживать порядок на фронте и ненарушимость наших армий, ибо впереди еще предстоит нам битва с буржуазией»³.

Несмотря на то что союзники не отвечали на очередной призыв Советского правительства присоединиться к мирным переговорам, они тем не менее не могли, конечно, вообще уклониться от каких-либо контактов с новой властью. В полдень 19 декабря Троцкого посетил капитан Смит, представлявший посла Бьюкенена⁴. Капитан уведомил нашу сторону, что посол уезжает в отпуск для поправки здоровья, что с ним вместе отъезжают некоторые представители британской военной миссии, что в этой связи посол обращается с просьбой не досматривать багаж отъезжающих. Троцкий поинтересовался, будут ли аналогичными привилегиями пользоваться наши дипломаты, если им придется выезжать в Англию или проследовать через нее транзитом? И хотя Смит выразил уверенность в положительном разрешении таких случаев, Троцкий все же просил его официально доложить послу этот вопрос советской стороны и немедленно дать на него ответ, чтобы НКВД принял аналогичные меры в отношении посла Бьюкенена и сопровождающих его лиц. Англичане дали положительный ответ⁵. Выяснение этого момента для нас не являлось праздным: приказом по

¹ См.: Декреты Октябрьской революции. С. 352—354; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 182—183.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 22 декабря.

³ Армия и флот рабочей и крестьянской России, 1917. 21 декабря.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1917. 20 декабря.

⁵ См. там же.

НККИД нашим представителем в Лондоне был назначен М. М. Литвинов¹, и мы должны были быть уверены в том, что в отношении наших представителей в Англии не будет допущена какая-либо дискриминация.

Вообще надо сказать, чем меньше дней оставалось до возобновления работы мирной конференции в Брест-Литовске, тем активнее становились всевозможные внутренние и внешние силы, выступавшие против большевиков и Советской власти, тем истеричнее шумела буржуазная печать вокруг брест-литовских переговоров. Из союзных стран телеграф продолжал приносить сообщения с обвинениями нас в предательстве, прямыми угрозами в адрес Советской России. Газеты распространяли слухи о разногласиях в советской мирной делегации по вопросу принятия или неприемлемости предъявленных нам Германией условий мира, увязывая эти измышления с предстоящим открытием Учредительного собрания, «патриоты» которого готовы, мол, подписать мир, если большевики откажутся это сделать². Газета «День», называя большевиков препятствием к достижению мира, писала: «Или большевизм, и тогда распад России, от которой Германии тем легче будет отхватывать один кусок за другим, или всевластное Учредительное собрание, перешагнувшее через труп большевистской диктатуры, и тогда мир внутри России и мир вовне, утверждаемый свободным соглашением союзных держав с германской коалицией»³. Германия «знает, что нынешней России, растерзанной, залитой междоусобной кровью, лишенной армии, можно только приказывать»⁴, подчеркивала одна из газет. Большевики полагали, продолжала она же, что захват ими власти вызовет такое же движение в воюющих странах, что «их перемирие немедленно приведет к перемирию на всех фронтах», но ничего этого не случилось, и «нигде в Европе пролетариат не последовал примеру наших большевиков»⁵. Словом, буржуазная и контрреволюционная печать, улавливая различия во мнениях и оценках относительно брест-литовских переговоров, действительно зревших и имевших место среди сил русской революции, интерпретировала их на свой манер

---

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 22 декабря.

² См.: Правда. 1918. 2 января (1917. 20 декабря).

³ Там же. 1918. 5 января (1917. 23 декабря).

⁴ Баку. 1917. 22 декабря.

⁵ Там же.

и старалась, естественно, использовать в своих интересах.

20 декабря на заседании Совнаркома принимается постановление об открытии, «при наличии установленного кворума из 400 человек», Учредительного собрания 5 (18) января 1918 года¹. В этот же день Ленин подписывает назначение С. Шаумяна временным чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа, «впредь до образования краевой Советской власти на Кавказе»²: надо было предпринимать меры против местной контрреволюции, имея в виду также и то обстоятельство, что здесь проходила линия перемирия с турецкими войсками. Тогда же, 20 декабря, руководитель советской мирной делегации Иоффе разослал всем председателям делегаций Четверного союза телеграмму, в которой говорилось, что Совнарком предлагает для дальнейшего ведения переговоров избрать нейтральную страну, перенеся их в Стокгольм, что ответ на это предложение наша делегация ожидает в Петрограде, что, наконец, понимание другой стороной пункта о праве наций на самоопределение СНК и ВЦИК считают для нас неприемлемым³.

21 декабря Владимир Ильич Ленин, проявлявший серьезное беспокойство о состоянии армии, участвует в совещании с работниками Наркомвоена по вопросу организации новой армии Советского государства⁴. 22 декабря вечером Ленин вновь посещает Наркомвоен, где обсуждается тревожное положение на Румынском фронте, и опять ставится вопрос о формировании новой, социалистической армии⁵. Для Ленина все более становилось очевидным, что без создания своей армии социалистическому государству не обойтись⁶.

В тот же день, 22 декабря, в Ставке главнокомандующего в Могилеве проходила встреча с участием представителей советской и германской сторон с целью предва-

---

¹ См.: Декреты Октябрьской революции. С. 355—356; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 149.

² Декреты Октябрьской революции. С. 357, 359.

³ См.: Правда. 1918. 3 января (1917. 21 декабря); Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 21 декабря.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 150.

⁵ См. там же. С. 152.

⁶ См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969. Т. 3. С. 40—43.

рительного изучения условий мирного договора¹. Заседание было весьма представительным: Н. В. Крыленко, М. М. Володарский, М. С. Урицкий, В. А. Антонов-Овсеенко, Ф. Э. Дзержинский, Н. А. Скрыпник и другие — с советской стороны и фон Готт, Таубнер, Рауш и другие — со стороны немецкого командования. Разумеется, иллюзий себе на этой встрече никто не строил. Для нас это был своеобразный зондаж позиций германской стороны, выяснение ее планов накануне возобновления работы мирной конференции в Брест-Литовске. Не случайно, что на следующий день, 23 декабря, «Известия» писали: «Коалиция центральных империй только на словах признала великие принципы русской революции: мир без аннексий и контрибуций и право наций на самоопределение. Когда дело дошло до того, чтобы эта абстрактная формула приняла конкретные очертания, австро-германские правители спрятали лисий хвост и показали свой волчий зуб». И далее газета подчеркивала: «Борьба против завоевательных стремлений германского империализма — это не только вопрос самосохранения для русской революции, это вопрос спасения международной социалистической революции, которая уже зреет на Западе».

А эти «завоевательные стремления» германского империализма продолжали нарастать. Многие обстоятельства тех дней «играли» в пользу держав Четверного союза, роста аннексионистских appetитов Германии: прогрессирующий развал в России армии, транспорта, промышленности, надвигающийся голод, увеличивающееся число очагов гражданской войны. Позиция, наконец, стран Антанты в отношении власти большевиков и их участия в работе брест-литовской мирной конференции. Она, эта их позиция, говоря языком более позднего времени, а именно — второй половины тридцатых годов, прямо подталкивала Германию на Восток с целью удовлетворения ее возраставших appetитов. Антанта как бы одним выстрелом хотела убить двух зайцев: не спеша накапливала силы для окончательного удара по Германии и в то же время была не прочь нанести, как ей представлялось, смертельный удар по большевикам германским кулаком. В этом плане весьма красноречиво звучит

---

¹ См.: *Бескоровайная А. Т.* Партия большевиков в борьбе за мир (октябрь 1917 — март 1918 гг.). Автореферат. Киев, 1965. С. 13—14.

признание Ллойд Джорджа. «Дневник войны показывает,— вспоминал он впоследствии,— что с конца декабря 1917 г. до середины марта 1918 г. на Западном фронте совершенно прекратились даже самые незначительные боевые операции. Это был самый длинный период передышки за последние два года»¹.

Если мы сопоставим факты, то нам будет ясно, почему именно с конца декабря на Западном фронте наступает «затишье». По старому стилю это как раз те дни, когда в работе мирной конференции в Брест-Литовске по просьбе советской делегации был объявлен перерыв. И мы, как известно, выступили с предложением о таком перерыве потому, что австро-германский блок неожиданно выставил грабительские, аннексионистские условия мира, относительно которых нам необходимо было держать большой совет в правительстве. Впрочем, представим «слово» немецкому источнику. М. Эрцбергер, а приводимые им даты даются по новому стилю, писал: «Принятие русского общего мирного предложения «без аннексий и контрибуций» от 25 декабря германской мирной делегацией привело в ярость верховное командование. Прежде чем это предложение и его принятие Германией могли оказать свое действие на мир, появилась уже вторая германская нота от 27 декабря, которая давала совершенно иной вид миру с Россией и требовала дальнейшего отделения русских областей»².

Последняя точка зрения и начала проводиться в жизнь австро-германским блоком. При этом немцы спешили. Э. Людендорф, вспоминая о совещании у кайзера, имевшем место незадолго до возобновления мирной конференции в Брест-Литовске, 2 января 1918 года (20 декабря 1917 года), писал: «Я указал, что ввиду намечающегося удара на западе требуется скорейшее заключение мира на востоке, так как лишь в том случае, если заключение мира предстоит в ближайшее время, мы будем иметь возможность надлежащим образом совершить переброску войск. По военным соображениям надо противиться всякой попытке промедления»³. Словом, речь шла о том, чтобы как можно быстрее заключить аннексионистский мир. В эти дни произошел разговор между

---

¹ Джордж Ллойд Д. Военные мемуары. М., 1938. Т. 3. С. 332.

² Эрцбергер М. Германия и Антанта. М.; П., 1923. С. 210.

³ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. С. 122—123.

М. Эрцбергером и генералом Гофманом, и последний, как вспоминает Эрцбергер, «высказался против военного очищения оккупированных областей и считал необходимым держать в Литве и Курляндии во время мира, по крайней мере, шесть армейских корпусов»¹. «Право народов на самоопределение,— подчеркивал Эрцбергер,— он (генерал Гофман.— И. К.) желал рассматривать как средство отторжения этих областей от России»².

В этих условиях державы Антанты считали, говоря словами их официальной печати, что «Россия представляет собой того пайщика одного предприятия, который участвует своим дефицитом»³. Другими словами, они полагали, «чем шире вознаградит себя Германия на Востоке, тем легче будет союзным правительствам сговориться с ней на Западе»⁴.

Так складывалась внутренняя и внешняя обстановка перед возобновлением работы мирной конференции. И, исходя из нее, можно было заранее предположить, что в Брест-Литовске нас ожидали нелегкие дни.

---

¹ Эрцбергер М. Германия и Антанта. С. 212.

² Там же.

³ Правда. 1918. 6 января (1917. 24 декабря).

⁴ Там же.